

ЧУЖОЕ ЛИЦО НА МОСТУ

ВЛАДА ЭЛЬСКАЯ

Влада Эльская

Чужое лицо на мосту

<https://litres.ru/74620568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смотритель Глеб Перевоз охраняет мост между двумя княжествами — и дом на спорной насыпи, который достался его семье вместе с древней обязанностью. Когда наместник Радомир Вежа начинает скупать старые долги, на лицах наследников проступают черты умерших должников. Вежа объявляет эти лица доказательством вины и требует подчинить ему переправу.

Но магия подтверждает лишь родовую связь, а каждое чудесное укрепление моста отнимает у случайного человека год памяти. Чтобы остановить наместника, Глебу придётся открыть скрытые записи прежних смотрителей, отказаться от безопасного чуда и решить, что важнее: дом его семьи или мост, за который больше никто не должен расплачиваться собственной жизнью.

Фэнтезийный роман о долге без унаследованной вины, памяти, которую нельзя вернуть распиской, и общей работе, способной удерживать даже тот мост, у которого больше нет хозяина.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Лицо у шлагбаума	5
Глава 2. Два берега одной трещины	23
Глава 3. Долг вместе с лицом	43
Глава 4. Дом, которого нет на меже	61
Глава 5. Наместник покупает покойников	78
Глава 6. Год под колоколом	100
Глава 7. Книга смотрящего	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Влада Эльская

Чужое лицо на мосту

От автора

Долг любит говорить голосом неизбежности. Его называют старше человека, крепче родства и точнее памяти. Особенно удобно верить ему там, где знак на лице кажется доказательством, а безопасный мост — достаточным оправданием любой цены.

Эта история начинается с другого предположения. Унаследовать обязанность не значит унаследовать вину. Спасти многих не значит получить право назначить одного неизвестного плательщика. А вещь, которая служит всем, держится не только на камне и чуде, но и на том, кто ведёт счёт, признаёт ошибку и позволяет проверить свою работу.

В книге есть два берега, один старый мост и дом, который слишком долго считали нейтральным только потому, что его хозяева так записали. Все законы мира проявятся в поступках героев. Достаточно помнить одно: лицо может указать, откуда пришёл долг, но не решает, кем должен стать человек.

Глава 1. Лицо у шлагбаума

Я узнавал Варину лодку раньше, чем различал её саму. Другие лодочники красили борта смолой целиком, чтобы весной не искать течь в каждой щели, а Варя оставляла вдоль уключин две светлые полосы. Говорила, так дерево вовремя покажет, где устало. В пасмурную погоду эти полосы шли по Рубежнице, как два тонких луча, и я видел их даже сквозь косой дождь.

В то утро дождя не было. Над восточным берегом висел белый туман, западные башни торчали из него по самые бойницы, а вода под Серединным мостом казалась чёрной. Варина лодка вышла из-за нижней опоры, легла поперёк течения и мягко ткнулась в сваи пристани. Только после этого я заметил у шлагбаума троих незнакомых всадников.

Они приехали до первого удара колокола и встали не в очередь, а рядом с ней. Так делают люди, уверенные, что очередь придумана для остальных. Передний держал плащ сухой стороной наружу, хотя туман оседал на сукне крупными каплями. На груди у него серебрился знак наместника Вежи: башня с закрытыми воротами. Двое других носили короткие восточные сабли и одинаковые серые перчатки.

Я поднял перекладину для молочницы с западного берега, проверил зарубку на её месячной дощечке и снова опустил шлагбаум.

— Кто следующий?

— Она, — сказал человек со знаком и показал не на очередь, а вниз, на пристань.

Варя уже привязывала лодку. Вместо узла она дважды обвела канат вокруг столба и зажала конец деревянным клином. Узел после ночной сырости пришлось бы резать; клин выбивался одним ударом. Я научил её этому, когда она была ростом с весло. Или думал, что научил. Позже выяснилось, что сначала она подсмотрела у старого перевозчика, а меня просто не стала разубеждать.

— Путники идут по очереди, — сказал я.

— Она не путница.

— Пока человек просит проход, он путник. Так записано.

Я положил ладонь на мостовую книгу. Она лежала на стойке под навесом, раскрытая на сегодняшнем числе. Левая страница предназначалась для пошлин и грузов, правая — для ремонта, споров и всего, что следующий смотритель мог бы счесть выдумкой предыдущего. Мой отец называл правую страницу сточной канавой. Я считал её единственным честным местом во всей книге.

Человек со знаком посмотрел на книгу без интереса.

— Северин Край, приказный наместника Радомира Вежи. По делу о признанном долге покойного Луки Веретена.

Варя поднялась по мокрым ступеням. За плечом у неё висел свёрнутый парус, к поясу была пристёгнута рукавица для каната. Она увидела серые перчатки, знак башни, потом ме-

ня. Не спросила, что случилось. Только поправила ремень, чтобы правая рука осталась свободной.

— Лука Веретено умер семь лет назад, — сказала она.

— Поэтому долг предъявлен наследнице.

— Его сыну предъявляйте.

— Сын умер прошлой зимой.

Я этого не знал. Варя, судя по тому, как дёрнулся угол её рта, тоже.

Лука был её отцом по крови и человеком, о котором в нашем доме старались не говорить без нужды. Он ушёл от Милы ещё до рождения Вари, потом трижды возвращался — занимал деньги, обещал лодку, приносил дешёвые ленты и снова исчезал. Когда Варе исполнилось девять, он окончательно перебрался на восточный берег. Мила никогда не запрящала дочери искать его. Варя никогда не искала.

Северин достал из-под плаща узкую дощечку в кожаном чехле.

Очередь сразу притихла. До этого звякали упряжки, ругались погонщики, кто-то перекладывал корзины. Теперь осталась только вода под настилом. Даже лошади приказных перестали переступать, будто знали, что при долговой дощечке шуметь неприлично.

Я протянул руку.

— Сначала смотрителю.

— Сначала наследнику, — ответил Северин.

— На мосту сначала смотрителю. Иначе разворачивайтесь

к восточной заставе и предъявляйте там.

Он мог поспорить. Восточная половина моста считалась землёй наместника ровно до средней площадки, западная — землёй княгини Мирены. Но шлагбаум стоял на островной насыпи, которую обе стороны закрашивали своим цветом на картах и ни одна не решалась обложить налогом. Пока я держал ключи и колокол, порядок прохода определяла мостовая книга.

Северин вынул дощечку из чехла и положил мне на ладонь.

Она была старше Вари. Тёмное ореховое дерево истёрлось по краям, но три знака оставались ясными: имя Луки Веретена, сумма в двадцать четыре серебряных гривны и выжженная ладонь заимодавца. Под суммой шли четыре мелкие зарубки выплат. Последняя была перечёркнута косым ножом.

— Кому он задолжал?

— Купцу Осипу Жару.

— Осип Жар умер.

— Требование выкуплено господином наместником у его вдовы.

— Свидетельство покупки?

Северин подал сложенный лист. Печать выглядела настоящей, подпись писаря я знал. В листе было сказано, что вдова уступает Радомиру Веже право требовать остаток признанного долга, а также все способы взыскания, дозволенные восточным обычаем. Остаток не назывался.

— Четыре выплаты, — сказал я.

— Четыре зарубки.

— Зарубки делают после выплат.

— Три бесспорны. Четвёртая перечёркнута займодавцем.

— Покойным займодавцем, у которого уже не спросишь, зачем.

Варя стояла по другую сторону шлагбаума, хотя могла обойти стойку. Между нами лежала полосатая перекладина, отполированная тысячами ладоней. В детстве она садилась на неё верхом, пока я не пригрозил брать пошлину как со всадницы. Сейчас Варя смотрела на дощечку и словно не видела меня.

— Сколько, по-вашему, осталось? — спросила она.

— Двадцать одна гривна, четыре резаны и служба до погашения, — сказал Северин.

По очереди прошёл шорох. Двадцать одна гривна означала хорошую лодку, два новых паруса и зимний запас зерна. Лука не оставил Варе ничего, кроме старого складного ножа, который Мила выбросила в реку после его смерти.

— Из двадцати четырёх? — спросил я. — После трёх бесспорных выплат?

— За семь лет набежала плата за ожидание.

— После смерти должника?

— Долг не умирает.

Эту фразу любят те, кто переживает должника.

Я перевернул дощечку. На обратной стороне мелко, почти

под самым краем, был выжжен знак восточного долгового двора. Значит, Лука когда-то пришёл туда сам или прислал признание через двух свидетелей. Без этого лицо наследника не отзывалось. Поддельная дощечка могла напугать, но не меняла человека.

— Ты можешь отказаться отвечать здесь, — сказал я Варе.
— Уйти на западный берег и потребовать общего разбора.
Северин улыбнулся впервые.

— Может. Только лодка останется до разбора как имущество должника.

— Лодка моя, — сказала Варя.

— Это и предстоит установить.

Теперь я понял, зачем они пришли к шлагбауму, а не в долговой двор. Им была нужна не Варя и даже не двадцать одна гривна. Им нужна была лодка у мостовой пристани, очередь с обоих берегов и как можно больше глаз. Если лицо появится здесь, к полудню весь посад будет знать: дочь Луки Веретена поймана на его долге. Сумму забудут. Перечёркнутую зарубку никто не пересчитает. Запомнят только мёртвого мужчину на молодом женском лице.

— Я отвечу, — сказала Варя.

— Не обязана.

— Если уйду, они скажут, что я испугалась отцовского лица.

— Они в любом случае что-нибудь скажут.

— Пусть скажут при мне.

Она сняла рукавицу для каната и сунула её за пояс. Ладони у неё были красные от холодной воды, на среднем пальце белел свежий порез. Варя шагнула к перекладине.

— Предъявляйте.

Я не поднял шлагбаум. Пока он разделял их, у меня оставалась хотя бы видимость порядка.

Северин взял дощечку двумя пальцами и назвал полное имя должника, как требовал обычай:

— Лука Миронов сын Веретено, лодочный мастер восточной слободы, признал перед двором долг Осипу Гаврилову сыну Жару. После смерти старшего наследника требование переходит следующей по крови Варваре Лукиной дочери, называющей себя Перевоз.

На словах «называющей себя» Варя усмехнулась. Потом дощечка щёлкнула у Северина в руке.

Звук был тихий, будто в очаге лопнуло полено. По выжженным буквам пробежал тёмный блеск. Варя резко вдохнула.

Сначала у неё изменились брови. Они стали шире и сошлись над переносицей. Потом скулы будто потянули кожу вниз, нос сломался невидимым старым ударом и лёг набок. Волосы, платок, тонкая шея оставались Вариными, а лицо проступало другое — мужское, тяжёлое, с ямкой на подбородке. Я видел Луку дважды и всё равно узнал его.

Хуже всего были глаза. Не потому, что стали его: глаза остались серыми, Вариными. Чужое лицо окружило их, как

плохо подогнанная маска, и от этого человек передо мной казался одновременно живым и утопшим.

Кто-то в очереди прошептал молитву.

Я знал правило. Лицо не чувствует боли. Наследник не получает ни воспоминаний умершего, ни его желаний, ни умения, ни раскаяния. Это только знак старого признания: кровь должника стоит перед предъявителем. Я десятки раз записывал такие случаи на мосту. Но прежде чужие черты появлялись у торговцев, возчиков, незнакомых вдов. Ни разу — у девочки, которой я когда-то согревал руки дыханием.

Варя подняла пальцы к щеке и остановила их, не коснувшись.

— Похож? — спросила она.

Я мог солгать. Наверное, отец для того и нужен, чтобы иногда лгать быстрее остальных.

— Похож, — сказал я.

Она кивнула. Чужой подбородок сделал её короткое движение грубым.

Северин повернулся к очереди, словно это она наняла его глашатаем.

— Родство и переход признанного долга удостоверены. По праву наместника имущество наследницы подлежит описи. До внесения первого платежа Варвара Веретено задерживается при мостовой заставе.

— Нет, — сказал я.

Он будто не расслышал.

— Лодку поднять на цепь. Саму должницу сопроводить на восточный берег.

Один из стражников сошёл с коня. Второй направился к лестнице на пристань.

Я потянул рычаг у стойки. Под настилом лязгнул запор, и толстая цепь легла поперёк нижних ступеней. Стражник остановился, едва не ударившись коленом.

— Я сказал: нет.

Северин снова посмотрел на меня. Теперь с интересом.

— Вы отрицаете знак?

— Знак подтвердил, что Лука признал дощечку. Больше ничего.

— Подтвердил наследницу.

— Следующую по крови после смерти старшего наследника. Не остаток суммы. Не право забрать её лодку. Не службу. И не ваше право задерживать человека на общей переправе.

— Обычай восточного берега позволяет удержание.

— Мы не на восточном берегу.

— Тогда на западном?

— У шлагбаума Серединного моста.

Это звучало увереннее, чем было на самом деле. Камни под моими сапогами клали артели обоих княжеств. Пошлину я делил между казнами. Если человек затевал драку на восточной половине, его забирала восточная стража; если на западной — западная. Но долговые люди наместника всё чаще считали островную насыпь своей, потому что первыми

успевали сюда приехать.

Северин указал на Варино лицо.

— Всякий видит доказательство.

— Всякий видит Луку Веретена. Двадцать одну гривну я на её лице не вижу.

В толпе засмеялись. Один раз, коротко. Северин не обернулся, но человек замолчал.

— Смотритель, — произнёс приказный, — вы хотите превратить ясное дело в спор о зарубках.

— Оно и есть спор о зарубках.

Я положил дощечку на стойку рядом с книгой, не спрашивая разрешения. Чужие черты на Варином лице начали бледнеть, но пока не исчезли. Знак держался, пока дощечка оставалась открытой и требование не было отозвано или записано как спорное.

— Первая выплата, — сказал я, ведя ногтем вдоль дерева. — Вторая. Третья. Четвёртая перечёркнута. Сколько было в каждой?

— В деле указано.

— Где дело?

— В управе наместника.

— Значит, здесь не указано.

— У смотрителя нет власти разбирать долг.

— Верно. Поэтому я его и не разбираю. Я решаю, можно ли задержать путницу на мосту. Для задержания вы должны показать сумму, срок и имущество, которое названо залогом.

У вас нет ни одного из трёх.

— У меня есть наследственное лицо.

— Оно не счётная доска.

Я услышал за спиной быстрые шаги. Из караулки вышел Федя Клин, мой помощник, ещё застёгивая кожаную куртку. Ему было двадцать шесть, и он обладал редким даром появляться после начала неприятности, но до того, как становилось понятно, кто победит.

— Колокол бить? — спросил он.

Все посмотрели на верёвку, свисавшую у входа в башенку.

Колокол созывал артели при повреждении моста, предупреждал лодки о сбросе брёвен и отмечал чудесную работу опор. Последнее знали все. Если опора делала невозможное — останавливала трещину, отводила поток, удерживала камень без подпорки, — колокол звонил сам, а у кого-то в пределах его голоса исчезал год памяти. Поэтому люди не любили, когда смотритель касался верёвки без причины.

— Не бить, — сказал я. — Открой чистую строку в книге споров.

Федя обошёл стойку, стараясь не смотреть на Варю. Это было хуже взгляда. Она заметила.

— Не бойся, Клин, — сказала она. Голос остался её, только губы двигались чужие. — Твой долг ко мне не перейдёт. Ты мне ничего не обещал.

Федя покраснел и раскрыл книгу на правой странице. Северин подался вперёд.

— Запись зрителя не отменяет предъявления.

— И не должна. Она сохраняет его таким, каким оно было. Дощечка Луки Веретена предъявлена Варе Перевоз. Родовая связь проявилась. Размер остатка не показан. Четвёртая выплата перечёркнута без объяснения. Залог лодки не записан. Требование службы на дощечке отсутствует. Наследница признаёт спор о сумме и просит общего разбора.

— Я ещё ничего не просила, — сказала Варя.

— Попроси.

Она посмотрела на меня серыми глазами из лица мертвеца.

— Прошу общего разбора. И требую записать, что лодка построена через три года после его смерти.

— Из чьего леса? — спросил Северин.

— Из моего.

— Кто подтвердит?

— Половина западной слободы. Вторая половина скажет, что сама строгала доски, если вы пообещаете выпивку.

Я продиктовал Феде и это, кроме выпивки. Он писал медленно, высунув кончик языка. Пока перо скребло бумагу, очередь ожила. Люди перешёптывались, возчик впереди насчёт чего-то спорил с торговкой репой. Обычный шум возвращал Вару её лицо лучше любого заклинания.

Северин накрыл дощечку ладонью.

— Наместник приобрёл не пустую деревяшку, зритель. Он приобрёл признанное право.

— Тогда право выдержит проверку.

— Проверка назначается управой.

— Общий мост — общее дело. Один писарь от восточной управы, один от западного суда, один голос от мостовых артелей. Так разбирали спорные пошлины при моём отце.

— Ваш отец умер.

— Обычай, по вашим словам, не умирает.

На этот раз никто не засмеялся. Я и сам не почувствовал победы. Северин произнёс об отце буднично, но слишком вовремя. Значит, люди Вежи изучали не только Варину кровь.

Приказный убрал ладонь с дощечки и сделал знак стражникам. Тот, что стоял у лестницы, нехотя поднялся обратно. Цепь я пока не снял.

— Хорошо, — сказал Северин. — Запишите спор. Наследница остаётся здесь до его решения.

— Нет.

— Тогда зачем весь этот разговор?

— Чтобы пропустить её как путницу, имущество которой не названо залогом.

— Вы присваиваете себе право суда.

— Я исполняю право прохода.

Я вынул из-под стойки мерную линейку и положил её на перекладину. На дереве были отмечены обычные пошлины: пеший, конный, телега, скот, лодочный груз. Такая линейка имела у каждого сборщика, чтобы не назначать цену по

одежде и лицу. Варя поняла первой.

— Пешая, — сказала она.

— Полрезаны.

Она достала монету и положила точно на отметку. Лука на её лице уже едва проступал: тяжёлая челюсть стала тенью, нос выпрямлялся. Я пробил в её месячной дощечке маленькое круглое отверстие.

— Пошлина уплачена.

Северин взял долговую дощечку.

Черты Луки сошли с Вари окончательно. Это происходило всегда без торжественности: кожа словно вспоминала собственную форму. Но люди в очереди выдохнули разом, будто всё это время держали воздух.

Я поднял шлагбаум.

Один из стражников шагнул Варе наперерез. Она не отступила. Он был выше на голову и держал ладонь на рукояти сабли, а у неё за поясом торчала только канатная рукавица. Я потянулся к деревянному молоту под стойкой. Не оружие — им проверяли посадку скоб, — но в руке зрителя любая вещь быстро становилась доводом.

— Пропусти, — сказал Северин.

Стражник посторонился.

Варя прошла под перекладиной, хотя та уже поднялась достаточно высоко. Возле меня задержалась.

— Ты знал про его сына?

— Нет.

— Про долг?

— Нет.

— Мама знала?

— Не при мне.

Она приняла ответы без кивка. Я хотел спросить, куда она идёт и когда вернётся к лодке. Вместо этого сказал:

— До разбора не ходи одна на восточный берег.

— Я только что с него приплыла.

— Теперь всё иначе.

— Для них — может быть.

Варя двинулась к западному пролёту. Очередь расступалась перед ней чуть шире, чем требовалось. Никто не отворачивался, но и рядом не становился. Так люди обходят место, куда ударила молния: опасность уже прошла, а телу всё равно страшно.

Я опустил шлагбаум перед следующим возом.

— Запись закончена? — спросил я Федю.

— Подписи нужны.

Он развернул книгу ко мне. Я перечитал строки. Федя пропустил требование о службе, и я вписал его сам. Потом поставил имя, должность и время по водяным часам.

— Приказный Край, подтвердите предъявление.

— Я не подтверждаю ваши толкования.

— Так и напишите.

Он поставил короткую подпись и добавил: «С решением не согласен». Чернила легли густо, с кляксой над последней

буквой.

— Копию доставят наместнику, — сказал я.

— Я сам доставлю. И советую вам перечитать договор о мосте, особенно ту часть, где смотритель отвечает за сохранность опор своим имуществом.

— При чём здесь опоры?

Северин убрал дощечку в кожаный чехол.

— Старые долги редко лежат по одному.

Он сел на коня. Стражники последовали за ним на восток. Передний всадник в очереди хотел возмутиться, что приказных пропустили без пошлины, но увидел мой взгляд и молча протянул дощечку на телегу.

До полудня я проверил сорок семь проходов, дважды развёл встречные обозы и не сделал ни одной ошибки в счёте. По крайней мере, не нашёл. Руки выполняли привычное: принять монету, сверить груз, поднять перекладину, поставить знак. Голова всё возвращалась к Вариному лицу.

Магия показала правду. В этом была её самая опасная черта.

Лука действительно признал долг. Варя действительно шла следующей по крови. Дощечка не лгала ни в одной вещи, которую умела показать. Ложь начиналась там, где люди требовали от неё большего: назвать остаток, присудить лодку, решить, должна ли дочь отрабатывать поступок отца. На мосту так же было с трещинами. Камень говорил, что сдвинулся на толщину ногтя. А уже человек решал, выдержит ли

он телегу и стоит ли ради неё будить чудесную опору.

После полуденного удара я отпустил Федю поесть и сам спустился к пристани. Варина лодка качалась у свай. Вода поднялась и скрыла светлые полосы вдоль уключин. На дне лежали свёрнутые сети, глиняный кувшин и три короткие доски, которые она, видно, везла кому-то на починку крыши. Обычная лодка живого человека. Ни одной вещи Луки Веретена.

На канате белел свежий надрез.

Я присел и провёл пальцем по волокнам. Кто-то пробовал перепилить верёвку, пока мы спорили наверху. Не успел или передумал. Ещё десяток движений — и лодку унесло бы течением под восточные арки, где её можно было поймать и объявить брошенным имуществом.

Я заменил канат запасной цепью и поднялся к книге.

На правой странице под утренней записью оставалось место. Я добавил: «После ухода предъявителя обнаружен надрез на причальном канате лодки Вари Перевоз. Лодка оставлена под охраной смотрителя. Повреждение сделано свежим лезвием; виновный не установлен».

Перо зависло над бумагой. Я хотел дописать, что Варя прошла свободно. Слово показалось слишком большим для того, что случилось. Ей позволили уйти без стражи, но где-то в управе уже лежали другие дощечки, купленные наместником. Северин сказал: старые долги редко лежат по одному.

Я записал проще: «Путница пропущена».

Потом закрыл чернильницу и услышал под ногами тихий сухой щелчок.

Так мог остывать камень после холодной ночи. Могла сесть старая скоба. Мог треснуть сучок в стойке. Я подождал, положив ладонь на настил.

Щелчок повторился. На этот раз справа, со стороны восточной арки.

Колокол молчал.

Я взял молот, запер мостовую книгу и пошёл искать трещину.

Глава 2. Два берега одной трещины

Трещина нашлась не там, где щёлкало.

Звук шёл от настила над восточной аркой, но виноват был камень ниже воды. Река била в бык, бык отдавал в железную скобу, скоба тянула продольную балку, и уже балка разговаривала под моими сапогами. Старые мосты никогда не жалуются прямо на больное место. Они заставляют зрителя ползать по всему телу и угадывать, какой зуб отзывается в ухе.

Я закрыл проход для тяжёлых телег и спустился по служебной лестнице. Федя остался наверху разворачивать обозы. Он получил задание говорить каждому возчику одно и то же: осмотр восточной арки, задержка до решения зрителя, пешие проходят по западной стороне. Через четверть часа наверху уже кричали, что мост рухнул, что мост захватил наместник и что я закрыл его из мести за Варю. Так действует очередь, когда ей сообщают точную причину задержки.

Под настилом утро кончалось раньше. Свет проникал между досками узкими полосами, пахло мокрым известняком, водорослями и старой смолой. Я привязал страховочную верёвку к поясу и прошёл по нижней балке к смотровой площадке. Подо мной Рубежница несла ветки, серую пену и чью-то пустую корзину.

Восточный бык стоял на трёх рядах тёсаного камня. Верх-

ние два были сухими. Нижний то скрывался, то появлялся из воды. Между средним и нижним рядом тянулась тёмная линия.

Я приложил к ней ноготь. Край цеплялся.

Вчера здесь была только царапина от ледохода. Я помнил, потому что сам счищал налёт и ставил мелом дату. Теперь трещина пересекала два камня и уходила под бронзовый обруч первой восточной опоры.

Я достал из сумки сухую щепку, вставил в раскрытие и нажал. Щепка вошла на толщину мизинца.

Наверху ударили в переносный гонг восточной заставы. Не наш колокол — низкий медный круг, которым стража созывала писарей и спорщиков. Через несколько мгновений по настилу застучали каблуки.

— Смотритель! — крикнул Федя. — К вам пришли сразу оба берега!

— Пусть подождут.

— Они уже не ждут.

На служебной лестнице показался красный рукав. Восточный дорожный старшина Мирон Круча спускался боком, прижимая к груди папку. Он был широк настолько, что каждая перекладка казалась ему личным оскорблением. Следом шёл человек в синем западном плаще. Я узнал писаря княгини, сухого Игната Шеля, который умел произнести «во избежание» даже при пожаре.

— Кто их пустил? — спросил я.

— Они сами, — отозвался сверху Федя.

— Нельзя закрывать общий путь без уведомления управы, — начал Мирон, ещё не ступив на площадку.

— Нельзя держать общий путь открытым при повреждении несущего камня, — сказал Игнат.

— Вы трещину видели?

— Ваш помощник подтвердил.

— Мой помощник подтвердил осмотр.

Мирон протиснулся ко мне и заглянул вниз. Он боялся воды, но скрывал это злостью. Игнат остался на лестнице, стараясь не касаться восточного старшины плащом.

— Ерунда, — сказал Мирон. — Замкнуть опору на четверть силы, и к вечеру пойдут обозы.

— Закрывать мост полностью, — одновременно произнёс Игнат. — До прибытия мерщика западной строительной палаты.

— Мерщик уже прибыл, — раздался женский голос сверху.

Кто-то отодвинул Федю, и по лестнице спустилась Рада Мерная.

Она была без плаща, в короткой кожаной куртке поверх шерстяного платья и в высоких сапогах, заляпанных белой глиной. На спине висел деревянный ящик. Волосы она собрала под зелёный платок так туго, что лицо казалось строже обычного.

Мы не виделись с конца ледохода. Тогда она заставила

разобрать новую кладку у западного устоя, потому что раствор промёрз ночью. Я спорил два часа, а через неделю нашёл внутри лёд и ещё месяц делал вид, будто сам собирался всё переделать.

— Вас вызвала палата? — спросил Игнат.

— Меня вызвал треск, который слышно с пристани, — сказала Рада. — А палата пришлёт человека к вечеру, если ветер будет попутный и его жена отпустит.

Она сняла ящик и поставила на площадку.

Мирон заслонил трещину животом.

— Восточная опора относится к восточной артели.

— Вода тоже ваша? Попросите её не переходить середину.

— Я предлагаю законное укрепление.

— Вы предлагаете чудо до измерения.

Рада посмотрела на меня.

— Что уже сделал?

— Закрыв тяжёлый ход. Пеших пустил по западной стороне. Нашёл раскрытие между вторым и третьим рядом. Щепка входит на палец.

— Щепка разбухла?

— Была сухая.

— Нагрузка при первом щелчке?

— Молочная телега ушла. Следующей была порожняя платформа. Она ещё не въехала.

— Вода за ночь?

— Поднялась на две ладони.

Рада кивала после каждого ответа, не хвалила и не хмурилась. Потом открыла ящик. Внутри лежали железные клинья разной толщины, моток просмоленной нити, маленький молоток, складной отвес и две стеклянные трубки, завёрнутые в шерсть.

Мирон фыркнул.

— Игрушки.

— Да, — сказала Рада. — Камень очень любит играть. Особенно с теми, кто заранее знает ответ.

Она протёрла край трещины ветошью и начала вставлять клинья. Первый вошёл свободно, второй остановился у красной отметки, третий не взял и половины глубины. Рада записала числа мелом прямо на сухом камне.

— Раскрытие неровное, — сказала она. — Сверху три четверти пальца, снизу меньше половины. Значит, ряд не просто уходит в сторону. Его крутит.

— Откуда вы знаете, что вчера было иначе? — спросил Игнат.

Я показал свою меловую дату выше линии.

— Здесь проверялось вчера.

— Записи?

— В вечернем листе.

— Подпись второго смотрителя?

— У моста один смотритель.

Игнат поджал губы так, будто именно это было главной неисправностью.

Рада тем временем закрепила поперёк трещины две тонкие гипсовые пластинки из ящика. На одной процарапала время.

— Если края расходятся, пластинка лопнет, — объяснила она Феде, который спустился следом и теперь висел на лестнице над Игнатом. — Если один камень ползёт вдоль другого, её срежет. Разница важна.

— А если не лопнет? — спросил Федя.

— Тогда будем ждать дольше и ругаться тише.

Мирон хлопнул папкой по ладони.

— Пока вы ждёте, на восточной дороге стоят восемьдесят возов. К вечеру будет сто двадцать. Хлеб отсыреет, скот начнёт падать. Чудесная опора для того и создана, чтобы не играть с гипсом.

Он говорил не только для нас. Наверху у люка собрались люди, и каждое слово уходило в очередь.

Я посмотрел на бронзовый обруч. Он охватывал камни без шва, зеленоватый от времени. От него внутрь быка уходили три стержня, но никто не знал, где они кончаются. Если замкнуть опору, металл нагреется, камень перестанет двигаться, а мостовой колокол ударит сам. Где-то в пределах его голоса человек забудет год.

Не обязательно важный. Не обязательно недавний. Мог исчезнуть год болезни, который хотелось потерять. Мог — год рождения ребёнка. Выбрать было нельзя.

— Четверть силы, — повторил Мирон. — Этого хватит

только удержать шов.

— Цена не делится на четверти, — сказала Рада.

— Год есть год. Но обозов восемьдесят.

— Тогда назовите человека, который заплатит.

— Опора выбирает сама.

— Я знаю. Поэтому назвать удобно невозможно.

Мирон повернулся ко мне.

— Решает смотритель.

Это было правдой. Восток мог требовать, запад — запрещать, Рада — измерять, но ключ замыкания висел у меня под рубахой. Железная пластина с тремя зубцами. Отец передал её в день, когда перестал различать лица. Не из-за опоры: старость сделала с ним то, за что мост брал плату одним ударом.

— Сначала узнаем, движется ли трещина, — сказал я.

— Сколько ждать?

— Один час без тяжёлой нагрузки. Потом пропустим пустую телегу по одной колее и измерим снова.

Игнат встрепенулся.

— Западная палата не разрешала испытание.

— Западная палата ещё не знает о трещине.

— Именно поэтому мост должен быть закрыт.

— Если закрыть его без срока, люди пойдут на паромы.

Река поднялась. Там риск не меньше.

— Это уже ответственность лодочников.

Я посмотрел на него.

— Вода не читает, чья ответственность.

Рада убрала клинья в ящик.

— Час. За это время нужны отвес сверху, отметка воды и два человека на берегу, чтобы проверить, не уходит ли весь бык. И никакой опоры, пока я под ним.

— Пока мы под ним, — поправил я.

— Ты можешь выйти.

— Могу. Не выйду.

Она пожала плечом, будто другого ответа и не ждала.

Мы поднялись на настил. Очереди выросли с обеих сторон. Восточная была длиннее: телеги с зерном, бочки, клетки с гусями, связки кожи. Западная состояла в основном из пеших и двух почтовых карет. Между ними оставался пустой мост, и эта пустота пугала сильнее толпы. Люди привыкли видеть на Серединном движение в любую погоду. Когда мост освобождался, казалось, будто река уже победила.

Федя натянул верёвку вдоль западного края для пеших. Они шли гуськом, заглядывая под ноги.

У шлагбаума стоял Северин Край. Он успел съездить к заставе и вернуться без стражников. В руке держал свёрнутый приказ с той же башней на печати.

— Наместник разрешает использовать восточную опору, — сообщил он.

— Быстро, — сказал я.

— Господин Вежа заботится о переправе.

— Он успел осмотреть трещину через вас?

— Для применения опоры достаточно сообщения дорожного старшины.

Мирон Круча поднял папку, подтверждая свою полезность.

Игнат потребовал приказ. Прочитал, понюхал печать, излучил свет и объявил, что западная сторона не признает одностороннего разрешения. Через минуту они с Мироном уже спорили, кто обязан оплачивать простой обозов.

Рада отвела меня к перилам.

— Покажи книгу вчерашнего осмотра.

Мы вошли в караулку. Здесь помещались стол, лавка, печь и шкаф с мерными гириями. На стене висела схема моста, нарисованная ещё при моём деде. Три чудесные опоры на ней были отмечены золотыми кругами, обычные быки — простыми чёрными прямоугольниками. Из-за этого всякий посетитель сначала замечал золото и только потом камень.

Я нашёл вечерний лист.

Рада прочитала запись, провела пальцем по строке и спросила:

— Почему восточный шов проверял вне очереди?

— Услышал глухой удар во время прохода обоза.

— Какого?

— Шесть телег с железной рудой.

— Чьих?

Я перелистнул страницу пошлин. Обоз принадлежал дому Вежи.

— Наместника.

— Масса?

— По заявлению — сто двадцать пудов на телегу.

— Проверял?

— Первую и последнюю.

— Почему не все?

— Потому что до полуночи оставалось два часа, дождь шёл стеной и за обозом стояли ещё тридцать телег.

Рада не сказала, что я ошибся. Просто снова посмотрела в книгу. От этого стало хуже.

— Первая была сто восемнадцать, последняя сто двадцать три, — сказал я. — Разброс обычный.

— Если между ними не поставили перегруженные.

— Если поставили, след колеи был бы глубже.

— На камне?

— На восточном съезде. Я бы увидел.

— Утром посмотришь.

Она закрыла книгу.

— Ты не обязан угадывать каждую хитрость. Но обязан оставить возможность проверить.

— Записи есть.

— Массы четырёх телег нет.

Я хотел напомнить ей про дождь и очередь. Не стал. Дождь не исчез бы от объяснения, как и четыре числа.

— Что думаешь о трещине?

— Пока думаю, что нижний ряд подмыло, а верхний дер-

жит обруч. Если так, чудо прижмёт камни на пустоту. Снаружи шов закроется, внутри станет хуже.

— Можешь доказать?

— Для начала могу опустить отвес.

Мы вышли. Рада закрепила отвес на внешнем краю, я спустил к воде размеченный шнур. На восточном берегу Федя и двое мостовых рабочих вбили колышки по одной прямой с быком. Чтобы проверить наклон, не требовалось мудрёного прибора: если тяжёлый груз на нити уходил от вчерашней отметки, камень двигался.

Первое измерение показало отклонение на половину ногтя.

— Могла сбиться старая риска, — сказала Рада.

Мирон слышал только слово «могла».

— Значит, опасность не подтверждена. Открывайте.

Игнат слышал «отклонение».

— Значит, бык падает. Закрывать оба направления.

— Значит, меряем ещё раз, — сказал я.

Мы протянули через настил просмоленную нить, поставили по краям одинаковые грузики и отметили прогиб без телеги. Потом выбрали пустую платформу. Возчик долго уверял, что она самая лёгкая на двух берегах, пока Рада не заставила снять запасное колесо и мешок овса.

— По западной колее, — распорядился Игнат.

— Трещина под восточной, — возразил Мирон.

— Поэтому по западной.

— Поэтому по восточной, — сказала Рада. — Мы проверяем, как ведёт себя повреждение при малой известной нагрузке. На западной колее узнаем только, что западная цела.

Люди отступили к перилам. Возчик взял лошадь под уздцы. Платформа въехала на первый пролёт, и доски загудели обычным низким голосом. Я шёл рядом, держа ладонь на перилах. Вибрация проходила через дерево в кости.

У восточной арки лошадь остановилась.

Не шарахнулась, не захрапела — просто упёрлась всеми четырьмя ногами. Возчик потянул повод.

— Не рви, — сказала Рада.

Она присела и осмотрела доски перед копытами. Между двумя настильными брусьями выступила тонкая светлая пыль.

Каменная пыль.

Я велел откатить платформу. Лошадь сама пошла назад быстрее, чем вперёд. Мы снова спустились под мост.

Одна гипсовая пластинка осталась целой. Вторую срезало пополам. Половинки лежали одна выше другой.

— Продольный сдвиг, — сказала Рада. — Камень не расходится наружу. Его толкает вдоль течения.

Она опустилась на колено у самого края площадки и посмотрела вниз между рядами. Потом попросила зеркало. Федя сбегал в караулку и принёс маленькое медное, которым я иногда пускал солнечный свет в щели. Рада привязала его к пруту, опустила под выступ и повернула.

— Вот, — сказала она.

Я лёг рядом и заглянул в отражение. Под нижним камнем чернела полость. Вода вымыла раствор и мелкую забутовку глубже, чем доставал прут.

Мирон сопел за спиной.

— Опора удержит.

— Что именно? — спросила Рада. — Камень над дырой? Воду под камнем? Или вашу должность до вечера?

— Следите за словами.

— Я слежу за камнями. Слова пока стоят крепче.

Игнат потребовал немедленно составить акт о непригодности восточной арки. Северин сказал, что акт западной инженерки не имеет силы без восточного мастера. Мирон объявил себя восточным мастером. Федя тихо спросил меня, не проще ли столкнуть всех троих в воду и записать естественную убыль.

— Запиши размеры полости, — ответил я.

— Это значит нет?

— Это значит карандаш достань.

Рада измерила доступную глубину прутом и велела принести мешки с мелким щебнем. Не для засыпки — чтобы проверить течение. Мы опустили один мешок на верёвке выше быка и прокололи. Белая каменная крупа ушла под поверхность. Часть показалась с восточной стороны, часть — из полости под нижним рядом.

— Поток подмывает основание, — сказала Рада. — Пока

не узнаем ширину промоины, тяжёлые телеги нельзя. Пеших и лёгких можно вести по западной колее по одному. Нужна разгрузочная рама сверху и водолазы снизу.

— Сколько времени? — спросил я.

— На раму — день, если обе артели дадут лес и людей. На осмотр основания — час спокойной воды, которой у нас нет. Поставим защитный щит выше течения. Ещё день.

Мирон вскинул руки.

— Два дня простоя против одного поворота ключа!

— Один поворот ключа скроет движение, — сказала Рада. — Бронза стянет шов. Вы увидите целую линию и пустоту под ней. Когда пустота станет достаточно большой, опора либо возьмёт нагрузку на себя, либо вырвет весь нижний ряд. Вы знаете, что она выберет?

Мирон не знал. Никто не знал. Чудесные опоры исполняли простую волю — удержать, отвести, укрепить, — но способ выбирали сами. Первая могла перенести удар воды на другой бык. Вторая иногда делала камень легче. Третья однажды остановила лёд перед мостом, а весной жители нашли на шесть вёрст выше по реке лес, уложенный, как стена. За чудом всегда приходила работа, только позже и в другом месте.

— Смотритель, — сказал Северин, — приказ наместника остаётся в силе.

— А решение смотрителя? — спросила Рада.

Все замолчали.

Я смотрел на полость в зеркале. В голове складывались не доводы, а лица людей из очереди. Возчики потеряют два дня. Кто-то не довезёт хлеб. Кто-то пойдёт на паром и перевернётся. Если мы поставим раму и она не выдержит, отвечать буду я. Если замкну опору, один неизвестный человек отдаст год, а мост всё равно может лишиться нижнего ряда.

Утром я уже однажды отделил то, что знак действительно доказывал, от того, что люди хотели на него навесить. Здесь требовалось сделать то же самое.

Трещина доказывала движение камня. Полость доказывала подмыв. Они не доказывали немедленное падение арки. И уж точно не доказывали, что чудо станет ремонтом.

— Тяжёлый ход закрыт на два дня, — сказал я. — Лёгкие телеги до двадцати пудов — по одной, по западной колее, после проверки веса. Пешие — без остановки над аркой. Обе артели ставят разгрузочную раму и верховой щит. Рада руководит измерениями. Восточный мастер назначает людей на водолазный осмотр.

Мирон открыл рот.

— Опору не замыкаем, — закончил я.

С восточного берега донёсся гул. Весть уже передали вдоль очереди. Кто-то ругался, кто-то требовал паром, кто-то кричал, что наместник должен заменить смотрителя.

Игнат поправил синий плащ.

— Западная сторона будет настаивать на полном закрытии.

— Настаивайте с берега. Здесь нужны люди для рамы.

— Моя обязанность — сообщить палате.

— Сообщите. А потом пришлите плотников.

Он ушёл первым. Мирон задержался.

— Если хоть одна телега провалится, восток взыщет ущерб с вашего дома.

— Если замкнуть опору и кто-то потеряет память, вы назовёте ему своё имя?

— Цена установлена не мной.

— Решение предлагаете вы.

Мирон посмотрел на Северина, но тот не помог.

— Я пришлю водолазов, — буркнул старшина. — После обеда.

— Сейчас.

— После обеда они свободны.

— Тогда до обеда мост закрыт и для восточных лёгких телег.

Через четверть часа два водолаза уже шли от заставы с кожаными мешками для воздуха.

Рада осталась на площадке размечать места для рамы. Я поднялся к шлагбауму и встал рядом с Федей. Нам предстояло взвешивать каждый воз, выслушивать каждого хозяина и повторять одно решение столько раз, сколько потребуется.

— Чудо было бы быстрее, — сказал Федя, когда к нам покатали первую лёгкую телегу.

— Было бы.

— Может, и безопаснее.

— Может.

— Тогда почему не стали?

Я показал ему на чаши весов. На одну рабочие клали гири, на другую заезжало колесо телеги. Гири были простыми кусками железа. Их можно было проверить другим железом, заменить, если треснут, и назвать человека, который ошибся при взвешивании.

— Потому что «может» недостаточно, когда платит тот, кого мы даже не спросили.

Федя нахмурился, но спорить не стал.

К вечеру над восточной аркой выросла деревянная рама. Она была некрасивой, тяжёлой и мешала проходу. Две артели ругались из-за каждого паза, зато каждый мог увидеть, куда передаётся вес. Водолазы подтвердили промоину шириной в две вытянутые руки. Рада заставила их описать дно по отдельности, прежде чем сравнила показания.

Трещина за шесть часов расширилась меньше чем на толщину волоса. Меньше — не значит нисколько. Но времени на обычный ремонт у нас было больше, чем утверждал Мирон, и меньше, чем хотел Игнат.

Когда последний разрешённый воз сошёл на западный берег, я закрыл шлагбаум на ночь. Рада сидела на корточках возле своей нити и записывала число.

— Ты всё ещё злишься из-за той кладки? — спросил я.

— Какой?

— Которую заставила разобрать весной.

— Я не злилась. Раствор был плохой.

— Ты три дня со мной не разговаривала.

— Ты три дня объяснял, почему плохой раствор должен стать хорошим из уважения к твоему опыту.

Я присел рядом.

— Сегодняшняя рама выдержит?

— Сегодня — да.

— А завтра?

— Утром измерим.

— Очень утешительный ответ.

— Честный ответ редко утешает.

Она смотала нить, оставив гипсовую метку на камне. В сумерках бронзовый обруч чудесной опоры казался почти чёрным.

— Приказный приходил из-за Вари? — спросила Рада.

— Откуда знаешь?

— На пристани только об этом и говорят. Ещё говорят, что у неё стало лицо покойника, а ты ударил троих стражников долговой книгой.

— Никого не ударил.

— К ночи ударишь пятерых.

Я рассказал о дощечке, перечёркнутой выплате и надрезанном канате. Рада слушала, проверяя замок ящика.

— Вежа покупает не долги, — сказала она. — Он покупает право первым назвать, что означает знак.

— Знак означает признание Луки.

— Для тебя. Для очереди он означал, что Варя виновата.

— Не вся очередь так решила.

— Достаточно тех, кто от неё отступил.

Она поднялась и перекинула ремень ящика через плечо.

— С трещиной то же самое. Мирон хотел первым назвать её бедствием, которое лечит только опора. Игнат — причиной закрыть мост и передать решение западной палате. Камень пока сказал меньше обоих.

Я посмотрел на тёмную воду под нами.

— А ты что хочешь назвать?

— Размер. Направление. Изменение за час. Мне хватает.

Рада ушла к западной заставе. Я остался запираť инструменты.

Перед самым закатом Северин Край вернулся один и положил на стойку свёрток.

— Что это?

— Копия ещё одного требования, приобретённого господином Вежей.

Я не коснулся бумаги.

— Чьего?

— Вашего отца.

На свёртке стояла старая печать мостового двора. Под ней — новая башня наместника.

— Он не оставлял денежных долгов.

— Не денежных, — сказал Северин. — За первую опору.

Он ушёл, не дожидаясь, пока я разверну лист.

Под мостом вода ударила в защитный щит. Деревянная рама дрогнула и осталась стоять. Колокол над башенкой молчал.

Я взял свёрток и впервые за день подумал не о том, выдержит ли восточная арка, а о доме на островной насыпи, в котором горел наш вечерний огонь.

Глава 3. Долг вместе с лицом

Ночью я положил оба требования на стол и не зажёг вторую свечу.

Одно принадлежало Луке Веретену, отцу Вари. Узкая буковая дощечка, четыре зарубки выплат, одна перечёркнута, на обороте — клеймо старого лодочного братства. Второе было копией требования к моему отцу: серый лист, печать мостового двора и новая башня Радомира Вежи поверх выцветшего воска. Северин мог рассчитывать, что я сначала прочту своё. Человек охотнее верит общей угрозе, когда она уже постучала в его дверь.

Я начал с Луки.

Мила хранила счета в доме на насыпи. Не потому, что любила порядок. Она говорила, что бумага — это память, которая не обижается, когда её проверяют. После её смерти я сложил кухонные записи в ларь под лестницей и восемь лет открывал его только затем, чтобы переложить сухую полынь от мышей.

Ларь заедал. Я потянул сильнее, крышка ударила в стену, и сверху посыпалась известковая пыль. На самом дне лежал мешочек из зелёной ткани. В нём Мила держала расписки, иголки, две медные монеты с дырками и первую Варину косяцу, перевязанную красной нитью.

Я вынул только расписки.

Их оказалось семь. Три относились к лодке, которую Мила купила уже после смерти Луки. Две — к починке крыши. Одна подтверждала плату за зимнее место у причала. Последняя была старше остальных и пахла дымом даже через четырнадцать лет.

«Принято от Милы Веретеновой в погашение требования к Луке Веретену три серебряные гривны и восемь резан».

Ниже стоял знак сборщика — крючок с раздвоенным концом. Дата приходилась на год перед тем, как Мила вышла за меня.

Я перечитал строку четыре раза. На дощечке первая зарубка была длиннее прочих и пересечена тремя короткими насечками. Так отмечали три гривны. Восемь резан должны были оставить восемь точек у края. Я поднёс дощечку к свече. Точки были. Пять ясных, две затёртые, одна почти ушла под новое клеймо владельца.

Вежа требовал двадцать одну гривну и четыре резаны из исходных двадцати четырёх гривен. Если учесть одну эту расписку, остаток уже не сходился. А ведь были ещё три зарубки.

Я услышал шаги на лестнице и накрыл зелёный мешочек ладонью.

Варя вошла без стука. Волосы были мокрыми, рукава закатаны, на правой ладони темнела смола.

— Ты лодку чинила ночью?

— Канат меняла. Тот, который кто-то надрезал.

— Я велел Феде поставить новый.

— Федя выбрал толщиной с праздничную колбасу. На таком можно привязать быка, но лодка вырвет кнехт.

Она увидела расписки и остановилась.

— Нашёл?

— Одну выплату. Возможно, больше.

— Мать говорила, что отдала почти половину.

— Когда?

— Каждый ледоход ездила к сборщику. До тебя.

Я посмотрел на четыре зарубки. Мила пришла в мой дом вдовой с семилетней дочерью, двумя сундуками и привычкой вздрагивать от стука в дверь. О долге Луки она сказала в первый вечер. Назвала сумму — большую, но не такую, чтобы из-за неё отдать человека в службу. Я обещал разобраться и не разобрался. Сначала мешала свадьба, потом ремонт после паводка, потом Варина горячка. После сборщика пришёл другой сборщик и объявил старые требования замороженными до переписи. Мы привыкли считать молчание окончанием.

— Почему она перестала платить? — спросил я.

— Не перестала. Ей перестали давать расписки.

— Это не одно и то же.

— Для сборщика — да. Для матери нет.

Варя села напротив. При тусклом свете её лицо было её собственным: широкий лоб Милы, острый подбородок, маленький шрам над бровью после первого самостоятельного

рейса. Я поймал себя на том, что жду чужих черт, и отвернулся к дощечке.

— Завтра пойдём в долговой двор, — сказал я.

— Зачем мне идти?

— Потому что требование предъявили тебе.

— Ты хочешь снова посмотреть, как он вылезает на моём лице?

— Нет.

— Тогда не проси.

Я мог сказать, что без проявления хранитель архива откажется открыть счёт. Мог напомнить, что я отвечаю за проход и должен установить законность задержания. Всё это было правдой. Но Варя спрашивала не о законе.

— Я не стану предъявлять дощечку без твоего согласия, — сказал я. — Сначала проверю записи по имени Луки и Милы. Если откажут, вернусь и расскажу.

— А если соглашаюсь сейчас, тебе будет проще?

— Будет.

— Значит, лучше не спрашивай так, будто ответ ничего тебе не стоит.

Она взяла расписку за край. Смола с пальца оставила тёмный след возле даты.

— Мать хранила ещё одну, — сказала Варя. — В жестяной коробке с синими цветами.

— В ларе нет коробки.

— Потому что она спрятала её не от мышей.

Мы нашли коробку за печным кирпичом. Кирпич отличался от соседних только тем, что раствор вокруг него был смешан с золой. Мила сама белила стену каждую весну. Я жил рядом с тайником и ни разу не заметил.

Внутри лежали две расписки, сложенные вчетверо, и записка без обращения.

«Отдала ещё четыре гривны. Свирь сказал, на дощечке отметит после переписи. Расписку дал только на две. Остальное назвал платой за ожидание. Если придут к Варе, искать книгу лодочного братства за тринадцатый год».

Под записью стояла дата, сделанная рукой Милы. Я узнал наклон букв: так она писала перечни припасов, когда сердилась и боялась одновременно.

Одна расписка подтверждала две гривны. Вторая — пятьдесят резан за хранение требования. Четыре гривны, о которых писала Мила, на дощечке могли быть перечёркнутой зарубкой. Сборщик сначала отметил платёж, потом снял отметку при переписи.

— Свирь жив? — спросила Варя.

— Должен быть. Он держит весовую лавку у восточного рынка.

— Держал. Теперь лавка Вежи.

— Откуда знаешь?

— Я вожу людей по реке, Глеб. Они разговаривают.

Она сложила записку по прежним сгибам и вернула в коробку.

— Мать знала, что долг не исчез. Почему не сказала тебе про книгу?

— Наверное, думала, что успеет сама.

— Или не хотела, чтобы ты платил за Луку.

Это тоже было возможно. Мила не любила, когда я называл Варю своей дочерью в присутствии чужих. Не потому, что возражала. Она боялась, что вместе с дочерью я однажды получу и все долги прежнего мужа, а потом устану отличать одно от другого.

До рассвета оставалось два часа. Варя ушла спать на чердак, а я переписал каждую сумму в мостовую книгу. Слева указал, что видел сам. Справа — что сообщила Мила в записке. Между ними оставил пустое место для книги братства.

Требование к отцу так и пролежало свёрнутым.

Утром Рада уже стояла под восточной аркой. Гипсовую пластинку за ночь срезало ещё на волос. Разгрузочная рама приняла вес настила, но промоина не перестала расти. Мы велели артели опустить первые мешки с камнем к нижнему ряду. Работа могла идти без меня два часа.

— Ты выглядишь так, будто мост всю ночь спорил с тобой,
— сказала Рада.

— Дом спорил.

Я показал ей суммы. Рада посчитала в уме, потом попросила мел и написала на внутренней стороне ящика три строки.

Исходный долг — двадцать четыре гривны.

Подтверждено расписками — пять гривен восемь резан.

Спорно — четыре гривны.

— Даже без спорной выплаты Вежа требует лишнее, — сказала она. — Если у вас резана считается так же, как на западе.

— Считается.

— Тогда зачем лицо?

— Чтобы открыть старый счёт.

— Нет. Зачем оно тебе?

Я не ответил сразу.

Лицо было самым быстрым доказательством. Оно не выцветало, не горело вместе с архивом и не зависело от почерка сборщика. Стоило приложить дощечку к печати и назвать наследника — и спор о том, существовало ли требование, прекращался. За десятки лет люди привыкли, что вместе с первым спором заканчиваются все остальные.

— Чтобы не искать начало, — сказал я.

— А сумма всегда живёт в середине.

Рада стёрла мел ладонью.

— Я пойду с тобой.

— Долговой двор на восточном берегу.

— Мои сапоги умеют ходить и там.

— Тебя не пустят к книге.

— Зато, пока не пускают меня, ты успеешь посмотреть вокруг.

На восточном съезде толпа стала плотнее. Тяжёлые обозы ночевали на дороге, возчики жгли костры прямо между колеями. Мирон Круча увидел меня и начал кричать о потерях, но я велел ему прислать к мосту ещё двенадцать рабочих и прошёл дальше. Он кричал вслед, что распоряжения смотрителя кончаются у шлагбаума. Я ответил, что промоя на тоже так думала.

Долговой двор занимал бывший соляной склад. Над дверью ещё белели кристаллы, хотя соль оттуда вывезли лет двадцать назад. Теперь внутри стояли полки с дощечками, свитками и глиняными печатями. У каждой стены дежурил человек Вежи в красном рукаве.

Хранительницей была Домна Шестова, маленькая женщина с руками дровосека. Когда я назвал Луку Веретена, она не поднялась.

— Требование выбыло.

— Я знаю. Его купил наместник.

— Значит, записи у нового владельца.

— Основная книга не выбывает вместе с требованием.

Домна посмотрела на Раду.

— Западным мерщикам долговые книги не показывают.

— Я измеряю стену, — сказала Рада.

Она достала отвес и действительно приложила нить к дверному косяку.

— Зачем?

— Он кривой.

Домна перевела взгляд на меня.

— Её убрать.

— Рада, подожди снаружи.

— Конечно. Стена никуда не денется.

Когда дверь закрылась, хранительница протянула ладонь.

— Дощечка.

— Копия записей.

— Сначала дощечка.

— Она у владельца.

— Тогда приводите наследника. Лицо откроет поиск.

— Поиск открывает имя должника и год признания.

— Для живых долгов. Этот перешёл по крови.

Я положил на стол расписку Милы.

— Вот запись сборщика. Найдите её знак.

Домна не коснулась бумаги.

— Без лица любой может принести имя покойника.

— Любой может принести и дощечку.

— Дощечка вызывает лицо.

— Лицо подтверждает, что долг когда-то признали за Лукой и что Варя — старшая живая наследница. Оно не говорит, сколько Мила заплатила.

— Таков порядок.

— Покажите, где это написано.

Она всё-таки поднялась. С верхней полки сняла тонкую книгу в тёмной коже и открыла на закладке. Правила были старые, буквы местами расплылись от сырости. Домна нашла

строку ногтем.

«При переходе признанного требования по старшинству наследное лицо служит достаточным знаком тождества долга».

— Тождества, — прочёл я. — Не остатка.

— Это одно дело.

— Нет. Если я узнаю человека, это не значит, что знаю, сколько у него в кармане.

Домна захлопнула книгу.

— Я не толкую.

— Вы уже истолковали. Только что.

Краснорукий страж у стены перестал смотреть в окно.

Я развернул мостовую книгу на чистом листе и записал дату, имя Домны и её отказ искать счёт без предъявления наследника. Перо скребло громче, чем следовало.

— Это не мост, — сказала она.

— Варю пытались задержать у моего шлагбаума. Теперь это мостовое дело.

— Пишите что хотите.

— Так и делаю.

Дверь открылась. Вошёл Северин Край, а за ним Свирь.

Бывший сборщик постарел сильнее, чем позволяли прошедшие годы. Его правая сторона рта не двигалась, одна рука висела на перевязи. На красном рукаве Северина не было ни пылинки.

— Вы искали свидетеля, — сказал приказный.

— Я искал книгу лодочного братства.

— Братство распущено. Господин Вежа выкупил его счета вместе с имуществом.

— Где книга за тринадцатый год?

— Утрачена при затоплении подвала.

— Соляной склад стоит выше весенней отметки.

— Подвал прежней лавки.

Я посмотрел на Свирия.

— Мила Веретенкова передала вам четыре гривны?

Свирь облизнул неподвижный угол рта.

— Много лет прошло.

— Вы дали расписку на две.

— Что записано, то дал.

— Остальное называли платой за ожидание.

— Могло быть хранение. Могла быть пеня.

— На каком основании?

— По правилам братства.

— Книга утонула, правила забылись, а долг почему-то вырос и вырос.

Северин улыбнулся.

— Именно поэтому существует наследное лицо, смотритель. Люди теряют бумаги, путают числа, умирают. Законный знак не забывает.

— Он помнит начало. Вы продаёте его как конец.

— Варя несёт лицо должника.

— И только.

— Вы сами вчера это видели.

— Видел.

— Тогда спор окончен.

— Тогда он начался.

Я подвинул Северину расчёт. Он быстро прочёл цифры.

— Частичные выплаты не прекращают требование.

— Уменьшают сумму.

— Если признаны новым владельцем.

— Они сделаны до покупки. Вежа приобрёл то, что осталось, а не то, что ему понравилось написать.

Свирь тихо закашлялся. Северин повернул голову, и кашель прекратился.

Я спросил бывшего сборщика:

— Перечёркнутая зарубка — четыре гривны?

Он посмотрел на свою висящую руку.

— Разные знаки бывали.

— Ваш крючок стоит на расписке.

— Мой.

— Это ваша зарубка?

— Дощечки нет.

— Вы видели её вчера у шлагбаума.

Северин положил ладонь ему на плечо. Не сжал, не пригрозил. Просто напомнил, кому теперь принадлежит весовая лавка.

Свирь сказал:

— Не помню.

Я повернулся к Домне.

— В книге правил есть образцы отметок?

— Были приложения.

— Где они?

— На хранении.

— В затопленном подвале?

Она покраснела.

Снаружи что-то тяжело ударило в стену. Страж распахнул дверь. Рада стояла на улице и держала конец отвеса, а возле её ног лежала отвалившаяся доска обшивки.

— Косяк действительно кривой, — сообщила она. — И за ним пустота.

В бывшем соляном складе стены обшили деревом, чтобы сырость не портила бумаги. Между кладкой и досками оставался зазор в ладонь. От удара одна доска отошла, открыв узкую нишу. Там лежали книги — десятки одинаковых корешков, покрытых серой пылью.

Домна побелела.

— Это закрытый фонд.

— Значит, не утонул, — сказал я.

Северин приказал страже вывести нас. Я успел увидеть на одном корешке выжженное весло и число тринадцать.

Меня взяли под локти двое. Я не сопротивлялся: смотритель, дерущийся в долговом дворе, подарил бы Веже лучший рассказ, чем правда. Рада подняла ящик и вышла сама.

На площади нас ждал десяток лодочников. Варя стояла

впереди.

— Я просил тебя остаться дома.

— Нет. Ты обещал вернуться и рассказать. Не вернулся.

— Прошло меньше двух часов.

— Для тебя. Здесь уже объявили, что ты пытался украсть долговую книгу.

Толпа загудела. Северин вышел на крыльцо со дощечкой Луки в руке.

— Варвара Перевоз, — громко произнёс он. — Подтвердите наследное требование, и хранительница откроет счёт при свидетелях.

Люди расступились. Варя могла уйти. Никто не держал её, но все смотрели так, будто круг уже был клеткой.

Она подошла ко мне.

— Если я скажу нет, они решат, что мы врём.

— Решат.

— Если скажу да, снова увидят его вместо меня.

— Увидят.

— Есть третий ответ?

— Есть. Ты соглашаешься на знак тождества долга и заранее не признаёшь ни сумму, ни вину, ни службу. Я записываю точные слова. Рада и лодочники слышат.

— А ты?

— Я буду смотреть на тебя.

Варя повернулась к крыльцу.

— Предъявляйте.

Северин приложил большой палец к печати. Воск потеплел, древесина потемнела вдоль зарубок. Чужие черты выступили на Варином лице не сразу: сначала исчез шрам над бровью, потом подбородок стал тяжелее, щёки осунулись. Через несколько вдохов перед нами стояло лицо Луки Веретена на Варином прямом теле.

Кто-то в толпе перекрестился.

— Признала, — сказала Домна.

— Нет, — ответила Варя чужим ртом. Голос остался её.
— Я согласилась показать знак. Долг признал Лука. Сумму назовёт книга.

Я записал каждое слово.

Северин попытался убрать дощечку, но Домна уже смотрела не на него. На лице Вари был знак, который, по её собственным словам, открывал поиск. Хранительница могла нарушить распоряжение наместника или правило, которое защищала минуту назад.

— Несите тринадцатый год, — сказала она стражу.

Северин шагнул к ней.

— Архив требует описи.

— Потом опишете. Знак предъявлен при свидетелях.

Книгу вынесли на площадь. Домна положила её на перевёрнутую бочку. Листы пахли солью и плесенью, но чернила сохранились. Варя стояла рядом с лицом покойника, пока хранительница искала имя.

Строка Луки занимала половину страницы. Исходная

сумма совпадала: двадцать четыре гривны. Ниже шли выплаты Милы.

Три гривны восемь резан.

Две гривны.

Четыре гривны — сначала записанные как принятые, затем перечёркнутые красным.

У поля стояла приписка Свирия: «Возвращены плательщице по причине неверного счёта».

— Не возвращал, — сказал Свирь.

Все повернулись к нему.

Северин убрал руку с его плеча слишком поздно.

— Она заплатила четыре, — продолжил старик. — Две провёл. Две велели записать хранением. Потом при переписи заставили написать, будто вернул все четыре. Я не вернул.

— Кто заставил? — спросила Варя.

Свирь посмотрел на красный рукав Северина.

— Старшина братства. Его уже нет.

Это не доказывало приказа Вежи. Тогда наместник ещё не владел требованием. Но доказывало другое: дощечка не знала, что произошло с деньгами. Лицо Вари не знало. Магический знак исправно показывал Луку и молчал о краже.

Домна пересчитала остаток. С учётом подтверждённых девяти гривен и восьми резан Лука оставался должен четырнадцать гривен и несколько резан, в зависимости от старого пересчёта мелкой монеты. Даже если добавить законную пеню, двадцать одна гривна не получалась.

— Требование надо сверять заново, — сказала она.

— Требование принадлежит господину Веже, — отрезал Северин.

— Ошибка принадлежит книге.

— Книга тоже теперь хранится по его милости.

Домна закрыла обложку обеими руками.

— Хранится — не принадлежит.

Лицо Луки начало сходить с Вари. Сначала вернулся шрам, потом подбородок, потом её собственные скулы. Она провела ладонью по щеке, словно проверяла, на месте ли кожа.

Я прочёл толпе запись из мостовой книги: что подтвердил знак, какие суммы обнаружены и что осталось спорным. Потом заставил Свирия повторить признание и записал его тоже. Он поставил крючок дрожащей левой рукой.

Северин ждал, пока я закончу.

— Вы превратили частную проверку в представление, — сказал он.

— Представление началось у шлагбаума.

— Господин Вежа не забудет, что вы вмешались в его ответственность.

— Пусть сначала посчитает её.

Мы ушли к мосту вместе. Лодочники окружили Варю, но держались на шаг дальше обычного. Они слышали цифры, видели книгу и всё равно помнили чужое лицо. Знак оказался слабее счёта и сильнее человеческого взгляда.

На восточном съезде нас догнал Федя.

— Рама просела на два пальца, — выдохнул он. — Мешки держат, но течение выгрызает ниже. И ещё наместник прислал людей считать все семьи артели. Спрашивают, кто старший наследник.

Рада ускорила шаг.

Варя взяла меня за рукав.

— Ты своё требование прочёл?

Я вспомнил серый свёрток на столе.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сначала проверял твоё.

— Плохой ответ.

— Другого пока нет.

У шлагбаума висел новый лист с печатью Вежи. В нём перечислялись двадцать семь работников моста и их умершие родственники. Возле каждого имени оставили место для суммы.

Наместник не ждал решения по одному долгу. Пока мы доказывали, что лицо не умеет считать, он собирался вызвать сразу двадцать семь лиц — и назначить им цену сам.

Глава 4. Дом, которого нет на меже

Лист с двадцатью семью именами я сорвал со шлагбаума.

Под ним оказался второй — такой же, только с западной печатью. Западный писарь Игнат Шель успел составить собственную перепись и насчитал тридцать одну семью. Четыре фамилии существовали только для одного берега, хотя люди с этими фамилиями каждое утро приходили на один и тот же мост.

— Хорошее начало дня, — сказала Рада. — Уже выяснили, что у нас не сходятся не только долги, но и люди.

Федя принёс третью новость. Разгрузочная рама просела не из-за кладки: одна опорная свая ушла в рыхлый грунт у промоины. Рабочие подбивали под неё камень, течение вымывало мелочь, и вся работа понемногу опускалась вслед за дном.

Я разделил артель. Половину отправил плести тяжёлые корзины из лозы, набивать их крупным камнем и опускать выше по течению. Второй половине велел снять лишний настил над восточной аркой. Мирон Круча потребовал письменное разрешение восточной управы. Я дал ему уголь и предложил написать просьбу на каждом камне, прежде чем бросить его в воду.

Сам я вернулся домой за требованием к отцу.

Варя сидела у печи и оттирала лицо мокрым полотенцем.

На коже не осталось чужих черт, но она тёрла сильнее, чем нужно.

— Сойдёт кожа, — сказал я.

— Новая вырастет.

— Не к завтрашнему утру.

— Тем лучше. Никто не перепутает.

На столе лежал серый свёрток. Печать Северина была сло-
мана.

— Ты прочла?

— Только первую строку. Потом решила, что это твоё ли-
цо.

Я развернул лист.

Текст оказался копией записи, сделанной за семьдесят два года до моего рождения. Первый смотритель, Савва Перевоз, просил у обоих князей разрешения поставить дом на островной насыпи. Насыпи тогда почти не было: отмель, камыш и остаток старого быка. Савва обещал жить между берегами, не состоять в дружине ни одного князя и открывать путь по единой мере. Взамен ему и его наследникам позволяли пользоваться землёй «пока первая опора хранит мост и жильё смотрителя в одной связке».

Ниже стояла приписка позднейшей рукой: «Цена связки не взыскана».

— Это долг? — спросила Варя.

— Похоже на условие.

— Северин назвал требованием.

— Если назвать дверь долгом, она не станет кошельком.

Я перевернул лист. На обороте была нарисована схема первой опоры. От бронзового обруча шла линия под руслом, затем поднималась к насыпи и окружала дом. Рядом стоял знак, похожий на закрытый глаз.

— Ты знал? — спросила Варя.

— Что дом связан с мостом — да. Как именно — нет.

— Удобно.

— Неприятно.

— Удобно не знать неприятное.

Я сложил лист.

— Пойдём смотреть карты.

Варя покачала головой.

— У меня рейс.

— Твою лодку могут задержать.

— Поэтому я и должна выйти. Если останусь, они поймут, что достаточно один раз показать лицо.

Она повязала платок, взяла багор и ушла. У двери задержалась.

— Когда узнаешь, кому принадлежит дом, не забудь спросить, кому принадлежит земля под моими ногами.

Дом стоял на насыпи, насыпанной поколениями смотрителей. Каждый паводок отнимал у неё край, каждое лето мы возвращали камень. Если вынуть из двора всё, что принесли мои дед, отец и я, осталась бы узкая полоска ивы и песка. Но княжеские карты не умели изображать труд. Они изобража-

ли владение.

В полдень к мосту прибыли два мерщика земли.

Восточный привёз карту на жёлтой коже. По ней граница шла по западному рукаву Рубежницы, поэтому остров целиком относился к востоку. Западный развернул голубой полотняный лист: граница проходила по восточному рукаву, и остров целиком оказывался западным. Оба сослались на «середину главного течения», но главным каждый считал удобный ему рукав.

Мы разложили карты на столе в караулке. Они не совпадали даже формой острова.

— Восточная съёмка сделана после большого паводка, — сказал первый мерщик, Лукавец, человек с тонкими пальцами и чернилами на манжетах. — Русло определено по наибольшей глубине.

— После паводка вода ещё не вернулась, — возразил западный мерщик Твердень. — Ваша глубина была временной.

— А ваша съёмка сделана зимой по льду.

— Береговые знаки не зависят от льда.

— Два знака смыло.

— Восточные плотогоны их срубили.

Рада поставила на обе карты кружку, чтобы края не сворачивались.

— Где здесь дом?

На восточной карте дом был нарисован маленьким квадратом без подписи. На западной его не было вовсе.

— Служебное строение, — сказал Лукавец.

— Вне описанной земли, — одновременно сказал Твердень.

— Я в нём живу сорок два года, — заметил я.

— Проживание не определяет межу.

— А межа, которой нет на одной карте, определяет проживание?

Твердень поправил воротник.

— Для этого существуют древние грамоты.

Я показал копию записи Саввы. Оба мерщика склонились над ней. Лукавец первым заметил главное.

— Тут нет передачи земли.

— Есть право пользования.

— Пока действует условие.

Твердень постучал ногтем по словам о первой опоре.

— И только наследникам смотрителя.

— Я наследник и смотритель.

— Пока да.

— Какое из двух «пока» вам больше нравится?

Он не ответил.

Рада попросила схему опоры. Я развернул оборот. Она придвинула свечу, хотя было светло, и долго изучала линию, уходящую к насыпи.

— Это не строительный чертёж, — сказала она.

— А что?

— Обещание строителя. Здесь нет размеров, глубины, ма-

териала. Только указано, что связано с чем.

— Значит, бесполезно?

— Значит, придётся смотреть руками.

Мы вышли во двор. Между домом и мостовой башенкой лежала мощёная дорожка. Я ходил по ней тысячи раз и знал каждый провал. Рада прошла медленно, простукивая камни железным стержнем. Возле старой яблони звук стал пустым.

Федя принёс ломы. Мы подняли две плиты. Под ними оказался кирпичный канал шириной в локоть. Внутри не было воды или трубы — только три медные полосы, уходившие от дома к мосту. Они позеленели, но не истончились.

— Не трогать, — сказала Рада.

Лукавец уже протянул руку и отдёргнул её.

— Это часть первой опоры?

— Или связь с ней.

Я опустился на колено. От металла тянуло холодом, хотя солнце нагрело камни. На средней полосе были выбиты маленькие черты. Я очистил одну от земли и узнал знак закрытого глаза.

— Куда они входят в дом? — спросила Рада.

— Под печь, если идут прямо.

Мы вернулись внутрь. Варя утром вынула тайный кирпич из печной стены, и теперь отверстие чернело над полом. За ним виднелась жестяная коробка Милы. Рада осмотрела кладку и велела убрать дрова. Под нижней полкой нашлась железная дверца, покрашенная столько раз, что казалась ча-

стью стены.

Ключа не было. Я выбил штифт.

За дверцей стояла бронзовая чаша. К ней подходили три медные полосы. Чаша была наполнена сухим речным песком, а в песок вертикально вставлена деревянная дощечка без надписей.

— Не вынимай, — сказала Рада.

Я уже держался за край.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, что произойдёт.

— Это дерево в песке.

— А на мосту бронзовый обруч вокруг камней. Выглядит тоже не страшно, пока не отнимает у кого-нибудь год.

Лукавец заглядывал через моё плечо.

— Если это часть княжеского сооружения, помещение подлежит опечатыванию.

— Чьего княжеского? — спросил Твердень. — Вы ещё не доказали берег.

— Опора построена по общему договору.

— Тогда печати нужны две.

— Никаких печатей в моём доме, — сказал я.

— Вы сами предъявили грамоту, смотритель.

— Копию требования предъявил Вежа.

— Тем более восточная управа должна обеспечить сохранность.

Я поднялся. В тесной кухне два мерщика, Рада, Федя и

я стояли почти вплотную. Дом, которого не было на одной карте и который на другой считался служебным квадратом, внезапно стал всем нужен.

— Выйдите, — сказал я.

Лукавец раскрыл рот.

— Оба. Федя, проводи.

Когда дверь закрылась, Рада присела возле чаши.

— Песок слишком сухой.

— Печь рядом.

— Река рядом. Под полом сыро даже летом.

Она взяла щепоть и растёрла между пальцами.

— Здесь что-то отводит воду.

— Защита дома?

— Возможно. А возможно, дом отводит воду от опоры.

Связь бывает в обе стороны.

Мы нашли ещё две чаши: одну в подполе под северным углом, вторую в сарае. Все стояли над медными полосами. Во всех песок оставался сухим. Дом был не просто привязан к первой опоре. Он составлял треугольник, вершины которого удерживали насыпь.

— Если одна чаша разрушится? — спросил я.

— Не знаю.

— Если вынуть дощечку?

— Не знаю.

— Если разомкнуть первую опору?

Рада посмотрела на стены.

— Тогда узнаем слишком быстро.

Я вышел во двор. Восточный мерщик уже забивал у яблони кол с красной лентой. Западный ставил свой, синий, в трёх шагах от крыльца.

— Уберите.

— Это временные знаки, — сказал Лукавец.

— Они временно лежат в моём дворе.

Я выдернул красный кол. Твердень сам вынул синий, прежде чем я подошёл.

С моста донёсся гул. Не колокол — стук множества молотков. Артель опускала первую корзину с камнем. Река приняла её, качнула и прижала к промоине. Деревянная рама перестала проседать.

На мгновение мне показалось, что обычная работа решит всё: камень ляжет на камень, вода потеряет силу, карты останутся спорить на столе. Потом земля под ногами едва заметно дрогнула.

В чаше за печью что-то звякнуло.

Мы вбежали в дом. Деревянная дощечка качалась в сухом песке, хотя никто её не касался. На чистой поверхности проступала тёмная линия. Она складывалась в слово медленно, будто дерево вспоминало его.

«Взято».

— Что взято? — прошептал Федя.

Я услышал снаружи крик.

У яблони восточный мерщик стоял на коленях и ошупы-

вал лицо. Перед ним Северин держал требование к моему отцу. Я не видел, когда он вернулся.

Лицо на мне изменилось раньше, чем я успел дойти до двери.

Кожа натянулась на скулах. Левый глаз заслезился — у отца он болел после ледохода. Борода словно стала короче, подбородок тяжелее. Федя отшатнулся. Рада осталась на месте, но сжала железный стержень.

— Требование признано, — объявил Северин со двора.

Я коснулся щеки. Под пальцами было лицо отца, но во мне не появилось ни одного его воспоминания. Я не знал, что он видел в день, когда передал мне ключ от опоры. Не знал, почему молчал о чашах. Чужие черты принесли только сходство и чужую уверенность в том, что им всё известно.

— Что именно признано? — спросил я.

Голос остался моим.

— Долг семьи Перевоз за защиту дома.

— Назовите цену.

Северин поднял копию.

— Дом и земля возвращаются восточному княжеству, если зритель отказывается исполнить условие первой опоры.

— Я не отказывался.

— Вы отказались укрепить мост чудом.

— В грамоте нет обязанности применять опору по приказу наместника.

— Там сказано: пока опора хранит мост и жильё в одной связке.

— Она хранит.

— Восточная арка разрушается.

— А обычная рама её держит.

Северин посмотрел на кол с красной лентой, который я бросил у дороги.

— Тогда вы считаете, что чудесная защита дому больше не нужна?

Это была ловушка с двумя удобными ответами. Если нужна — Вежа потребует замкнуть опору и заставит неизвестного человека заплатить памятью ради моего жилья. Если не нужна — объявит условие грамоты утратившим силу и заберёт насыпь.

— Я считаю, что вы смешали три вещи, — сказал я. — Безопасность моста, право пользования домом и желание наместника получить землю. Пока они смешаны, решения не будет.

— Решение уже записано на вашем лице.

— Моё лицо подтверждает старое условие. Не ваше толкование.

Рада подошла ко мне и подняла зеркало из ящика. В нём я увидел отца таким, каким он был за десять лет до смерти. Не старика, который путал соседей и однажды назвал меня Саввой, а крепкого зрителя с обветренными щеками. Я помнил это лицо над собой в детстве. Оно велело не бояться

воды и никогда не стоять спиной к натянутому канату.

Хотелось поверить, что вместе с ним мне досталось право знать его решение. Но внутри не было ничего, кроме моей злости.

— Снимите знак, — сказал я.

— Прежде подпишите принятие требования.

— Не подпишу.

— Тогда оно останется предъявленным.

— Сколько?

Северин замялся.

Наследное лицо обычно держалось несколько минут. Иногда дольше, если дощечку не убирали. Закон не устанавливал срока, потому что никто прежде не использовал знак для осады.

Варя вошла во двор через калитку. Увидела меня и остановилась. Лодочники за её спиной притихли.

Теперь я понял, что чувствовала она на площади: не боль и не потерю себя, а превращение в доказательство, которое принадлежит всем, кроме тебя.

— Уберите дощечку, — повторила Варя.

— Это спор зрителя с владельцем требования, — сказал Северин.

— Значит, спорьте словами.

Она шагнула к нему. Двое красноруких стражей перегородили путь. Лодочники подняли багры.

Я вышел между ними.

— Никто не дерётся.

— У вас лицо вашего отца, — сказал Федя с порога. — Может, он оставил знак в чаше?

Я вспомнил проступившее слово.

«Взято».

Рада уже вернулась к печи. Она не прикоснулась к дощечке, только провела стержнем над краем чаши. Песок поднялся маленьким вихрем и осел. Тёмное слово исчезло вместе с дрожью земли.

На мосту закричали рабочие. Первая корзина с камнем застряла в промоине, течение пошло в сторону насыпи. Вода ударила в её восточный край, но вместо того, чтобы размыть песок, повернула обратно, словно встретила невидимую стену. Удар прошёл под домом и вернулся к мостовой опоре.

Деревянная рама застонала.

— Дом отбрасывает нагрузку на мост, — сказала Рада. — Вот что взято. Река ударила в насыпь, защита взяла удар и передала его первой опоре.

— Дом спасает мост, — быстро произнёс Северин.

— Сейчас наоборот. Мост платит за дом.

Рада выбежала к арке. Я приказал рабочим поднимать корзину и переносить выше по течению. Канаты натянулись, блоки завизжали. Федя побежал к вороту.

Лицо отца всё ещё оставалось на мне.

— Видите? — сказал Северин. — Без опоры дом опасен, с опорой полезен. Замкните её, и обе задачи решены.

— За год чьей памяти?

— За безопасность двух берегов.

— Вы снова не назвали человека.

— Его выбирает мост.

— Нет. Выбирает тот, кто поворачивает ключ.

Я подошёл вплотную. Северин был ниже меня, но не отступил.

— Уберите дощечку. Или я запишу, что Вежа намеренно держал знак на наследнике, чтобы принудить его к имущественному решению.

— Записывайте.

— Уже.

Варя стояла у стола с открытой мостовой книгой. Она записала время предъявления, требование Северина и слова Рады о передаче нагрузки. Под строкой поставили знаки оба мерщика. Лукавец сделал это первым: даже восточному землемеру не хотелось отвечать за рухнувшую арку.

Северин убрал дощечку.

Отцовские черты сходили медленнее, чем Лукины с Вари. Щека горела, левый глаз продолжал слезиться. Когда лицо вернулось, я не почувствовал облегчения. Только усталость, как после ночной смены.

Корзину переставили. Вода снова пошла к промоине, но теперь камень лёг перед ямой и разбил течение на две слабые струи. Рама перестала стонать.

Рада измерила просадку.

— Держит. До следующей перемены воды.

— А дом?

— Дом стоит там, где ему не следовало стоять без расчёта.

— Очень полезное заключение.

— Хочешь полезнее? Защита насыпи не бесплатна даже без удара колокола. Она переносит обычную силу воды на мост. Чем лучше мы бережём твой дом, тем больше получает первая опора.

Я посмотрел на стены, которые чинил всю жизнь. На яблоню, посаженную Милой. На окно чердака, откуда Варя в детстве ловила удочкой мои шапки. Дом не был ни восточным, ни западным квадратом. Но это не делало его невесомым.

Мерщики снова развернули карты. Теперь на обеих появилась линия медных полос. На восточной она доказывала принадлежность дома к общему мостовому сооружению. На западной — незаконное перенесение нагрузки за пределы межи. Один и тот же найденный канал стал двумя доводами.

— Где тогда проходит граница? — спросил Федя.

Твердень указал на восточный рукав. Лукавец — на западный.

Рада взяла уголь и провела третью линию прямо через нарисованный дом.

— Сегодня вода шла здесь.

— Вода не устанавливает право, — возмутился Лукавец.

— Зато она устанавливает, куда упадёт стена.

Я записал в мостовую книгу: принадлежность насыпи не установлена; право семьи условно; защита дома переносит часть речного удара на первую опору; применение чуда не разрешено. Ни одна из этих строк не давала мне ответа, что делать с домом. Вместе они не позволяли Веже объявить ответ готовым.

На закате Северин ушёл на восток. Мерщики остались спорить о копиях. Рада закрыла канал плитами так, чтобы их можно было снова поднять, и поставила меловые отметки на трёх чашах.

Варя принесла из лодки свой дорожный мешок.

— Куда собралась?

— На чердак.

— Ты и так там живёшь.

— Я думала, после карт ты велишь мне перевезти вещи на берег.

— Почему?

— Потому что дом могут забрать.

— Пока не забрали.

— А если защита действительно ломает мост?

Я посмотрел на медную полосу под поднятой плитой.

— Тогда придётся выбирать.

— Между мостом и домом?

— Между тем, что мы привыкли считать своим, и тем, за что заставляем платить других.

Варя поставила мешок у лестницы.

— Только не решай за меня, что моё легче потерять.

Ночью вода поднялась ещё на палец. Дом стоял сухой. Под восточной аркой рабочие меняли промокшие канаты, и первая опора принимала удары, которые не доходили до моего крыльца.

На чистой дощечке в чаше снова проступило слово.

На этот раз я не ждал, пока оно исчезнет. Записал рядом время и уровень реки.

Если дом брал у моста силу, я хотел знать сколько.

Глава 5. Наместник покупает покойников

Утром на восточной дороге поставили стол для покойников.

Сам стол был новый, сосновый, на козлах. Над ним натянули полотнище от дождя, рядом вбили шест с гербом наместника. Живые подходили к столу по одному, клали на доски долговые дощечки умерших родичей и ждали, пока писцы Радомира Вежи назовут цену. Из моей караулки очередь казалась похоронной: люди стояли молча, держали завёрнутые в тряпки вещи и старались не смотреть друг другу в глаза.

Федя Клин насчитал сорок три человека.

— И это до первого колокола, — сказал он. — Полдеревни Вязовки пришло.

— Почему сюда?

— У них вчера ходил глашатай. Наместник выкупает признанные долги. Сразу серебром.

Я поднял створ шлагбаума для телеги с известью и снова посмотрел на стол. За ним сидел Северин Край. Дощечки он принимал не сам: двое писцов сверяли зарубки, третий взвешивал серебро, а приказный только задавал вопросы. После каждого ответа человек переходил к маленькому

шатру. Оттуда некоторые выходили с кошелём. Другие — с тонким красным шнуром на запястье.

— Что за шнур?

Федя пожал плечами.

— Сходить узнать?

— Сначала запиши тяжёлые повозки. Нам сегодня нельзя пропустить лишний камень мимо весов.

Восточная арка за ночь просела ещё на толщину ногтя. Рада сказала, что это не обвал, а усадка временной рамы, но велела проверять отметку после каждого обоза. Люди Вежи уже дважды пытались провести телеги попарно. Я развёл их по одной и заставил снять по три слитка с каждой. Возчики ругались до тех пор, пока Рада не показала им свежую трещину. После этого ругались тише.

К полудню очередь у стола выросла. В ней появились мостовые работники. Я узнал старшего плотника Мирона Кручу, канатчика Авдея Жилу, сестру погибшего каменщика Ратибора и вдову мастера, который двадцать лет назад ставил бронзовый обруч на второй опоре. Их родичи были мертвы. Их требования — нет.

Радомир Вежа приехал без трубы и конвоя. На нём был простой тёмный плащ, словно он явился не распоряжаться двумя берегами, а помочь соседям разобрать завал. Люди в очереди расступились. Он прошёл вдоль них, здороваясь по именам. Имя вдовы мастера вспомнил сразу. У сестры Ратибора спросил о больном сыне. Мирону Круче напомнил, как

тот спас западный обоз во время ледохода.

Вежа умел обращаться с человеком так, будто вокруг никого нет. Даже когда вокруг стояла вся Вязовка.

Я дождался, пока известковая телега сойдёт с настила, и подошёл к столу.

— Вы открыли торг у мостового въезда.

— Доброе утро, смотритель, — сказал Вежа. — Я поставил стол на восточной земле.

— Восточный мерщик вчера не сумел показать, где она заканчивается.

— Здесь он не сомневается.

— Тогда пусть принесёт карту без двух русел.

Северин подвинул ко мне деревянную табличку. На ней аккуратно выжгли: «Выкуп старых требований. Добровольно. По справедливой цене».

— Проходу не мешаем, — сказал он.

Очередь занимала половину дороги. Вozy объезжали людей по мокрой обочине, колёса срезали край канавы. Но спор о ширине дороги был бы подарком Веже. Он мог отодвинуть стол на десять шагов и продолжить то же дело.

— Зачем вам долги покойников? — спросил я.

Вежа положил ладонь на дощечку, которую принёс Мирон.

— Покойникам долги не нужны. Живым нужны ясность и деньги.

— Кредиторам нужны деньги. Наследникам после вашей

покупки достанется новый хозяин требования.

— Я не хозяин людей.

— Северин требовал у Вари службу.

— Предлагал способ погашения.

— Под стражей у шлагбаума.

Радомир чуть нахмурился, словно услышал о небрежности младшего приказчика.

— Этого не повторится. Сегодня всё добровольно и записано.

Он кивнул писцу. Тот развернул лист. В первой строке было указано имя прежнего держателя, во второй — сумма, за которую Вежа покупал требование, в третьей — полный размер долга, переходивший к нему. Дальше шли условия для наследника. Если тот признавал остаток и соглашался служить мостовому управлению наместника, Вежа списывал треть. Ещё треть можно было отработать на ремонте. Последнюю следовало выплатить серебром за три года.

На вид щедро. Особенно если не спрашивать, кто определит остаток и что значит служить управлению, которого пока не существовало.

— Покажите расчёт по этой дощечке, — сказал я.

Северин прикрыл лист ладонью.

— Вы не сторона сделки.

Мирон Круча кашлянул.

— Дощечка моя, Глеб.

— Пока твоя. Кому должен был твой отец?

— Каменной артели. За дом после пожара.

— Сколько взял?

— Двенадцать гривен.

— Сколько вернул?

— Не знаю. Я тогда малой был.

На дощечке темнели шесть зарубок. Две были перечёркнуты поперечной линией, четыре оставались открытыми. Каждая зарубка могла означать гривну, месячную долю или просто день расчёта. Без книги артели знаки ничего не доказывали.

Вежа предложил Мирону восемь гривен серебром за право требовать двенадцать с его старшего брата. Брат жил на западном берегу и после зимней хвори почти не вставал.

— Ты продаёшь долг брата? — спросил я.

— Не мой брат его делал.

— Но лицо получит он.

Мирон сжал дощечку.

— А мне что делать? Дом течёт. Дочь просватали. Серебро нужно сейчас, а не после того, как Касьян помрёт или выздоровеет.

Я мог сказать, что родство дороже кровли и приданого. Такое легко говорить человеку, у которого пока есть сухой дом. Мой стоял за спиной, защищённый мостом, и с каждой высокой водой брал с первой опоры силу.

— Попроси вписать все известные выплаты, — сказал я.

— И запрет требовать службу, пока остаток не сверят.

— Тогда цена будет четыре, — спокойно сообщил Вежа. Мирон посмотрел на него.

— Вы же сказали восемь.

— За неоспоренное требование. Если зритель хочет превратить его в спорное, риск уменьшается вместе с ценой.

— Не зритель превращает, — сказал я. — Зарубки уже на дереве.

— А толкование зарубок живёт у вас в голове.

Вежа говорил негромко. Люди в очереди слышали каждое слово.

— Вот поэтому мосту нужно единое управление, — продолжил он. — Одна книга, одна мера, один ответственный человек. Сейчас восточная артель помнит одно, западная другое, зритель пишет третье. Умер кредитор — спор. Умер должник — спор. Треснула арка — снова спор. Я предлагаю порядок.

— И покупаете голоса тех, кто будет решать, кому принадлежит этот порядок.

— Я покупаю требования у людей, которым нужны деньги.

— А красные шнуры?

Северин поднял руку. На его запястье тоже был такой шнур.

— Знак согласия участвовать в общем собрании мостовых семей.

— Собрание назначено?

— Через шесть дней.

— Кто его назначил?

— Те, кто уже согласился прийти.

— О чём голосовать?

Вежа сам ответил:

— О создании управления переправой. Каждая семья, связанная признанным долгом с мостовыми работами, получит голос. Управление примет требования, сведёт счета, обеспечит ремонт и охрану. Я дам серебро на первую кладку.

— А кто возглавит?

— Кого выберут.

— Ваши должники.

— Свободные наследники, которым я предлагаю облегчение.

Он улыбнулся Мирону и отступил от стола, будто оставлял нас вдвоём. На деле между мной и плотником лежали восемь гривен, красный шнур и больной брат.

Мирон продал дощечку.

Писец отсчитал серебро. Северин выдал расписку, а Вежа собственноручно завязал красный шнур на запястье Мирона. Узел был свободный. Его можно было снять двумя пальцами. Мирон всё равно спрятал руку под рукав.

Следующей подошла Марфа Жила, мать канатчика Авдея. Она принесла три требования к покойному мужу. Вежа купил все. Потом сестра Ратибора продала дощечку на шесть резан — меньше стоимости хорошего молотка. Потом

старая Ганна, которая не умела читать, поставила ногу под записью о передаче права. Каждый раз на столе звенело серебро. Каждый раз Северин складывал купленную дощечку в железный сундук.

К полудню сундуков стало два.

Я вернулся к шлагбауму и открыл мостовую книгу на чистой странице. Записал имена продавцов, известные мне исходные суммы и время передачи. Напротив каждого поставил пустое место для выплат. Федя смотрел через плечо.

— Это законно? — спросил он.

— Покупать требование можно.

— А покупать сразу столько?

— Запрета нет.

— Тогда что ты можешь сделать?

Я посмотрел на очередь.

— Не дать покупке стать доказательством.

Мы отправили мальчишку к западной артели за их старыми книгами, второго — к братству сборщиков. Третьего я послал по домам мостовых семей с простой просьбой: не сжигать расписки, не отдавать записи вместе с дощечкой, принести копии к караулке. Просьба была слабее серебра. Но другой у меня не было.

Рада появилась после полудня, мокрая до плеч. Она спускалась к восточному быку и проверяла каменные корзины.

— Рама села ровно, — сказала она. — Если течение не усилится, выиграли несколько дней. Почему на дороге торг?

Я показал красные шнуры.

Она прочла образец договора, который мне удалось получить у Ганны. Старуха не поняла, что продала не одно требование, а «все связанные права, способы обеспечения и доли участия в общих сооружениях».

— Доля участия в мосту от долга за сапоги? — спросила Рада.

— Северин скажет, что сапоги носил мостовой рабочий.

— Тогда долг за похлёбку даёт право на котёл.

— Если котёл стоит у опоры — по их записи да.

Она провела ногтем под строкой о собрании.

— Голос получает семья, а не требование. Почему Вежа скупает по пять дощечек на одну семью?

— Чтобы предъявить любую, по которой легче вызвать лицо. И чтобы человек не ушёл после отказа по первой.

— Или чтобы выбрать старшего наследника.

Я посмотрел на неё.

— Лицо само показывает связь.

— Связь с признанным долгом. Но если у покойного трое детей от двух браков, кто из них старший? Если старший умер, переходит ли лицо его ребёнку или следующему брату? В ваших книгах это записано одинаково?

Не было записано. Старшинство считали семейным делом, пока долг не предъявляли. В одном роду лицо переходило внуку, в другом — младшей сестре умершего наследника. Судили по тому, на ком проявится. Теперь человек с

сундуком дощечек мог вызывать лица по всей семье, пока не получит удобное.

— Нужно остановить предъявления до сверки, — сказал я.

— Кто остановит?

На мосту я мог не пропустить перегруженную телегу. В доме мог не дать поставить печать. Но закон двух княжеств разрешал держателю требования предъявить его наследнику при свидетелях. Вежа собрал свидетелей, писцов и охрану. Он не ломал правило. Он превращал его в машину.

Крик раздался у второго сундука.

Авдей Жила держал мать за плечи. Марфа вырывалась, размахивая кошелём.

— Моё было! — кричала она. — Мне муж оставил!

— Долг не деньги, чтобы оставлять!

— Я двадцать лет ждала!

Северин вынул из сундука только что купленную дощечку.

— Спор можно решить сейчас.

Авдей увидел дерево и побледнел.

— Не смейте.

— Если требование не связано с вами, лицо не изменится.

— Я знаю, с кем оно связано.

— Тогда спор о наследнике снят.

Северин поднял дощечку на уровень его глаз. Авдей успел отвернуться, но это не помогло. Лицо менялось не от взгля-

да. Его широкие скулы сузились, рот провалился, на подбородке проступила ямка. Марфа перестала вырываться. Перед ней стоял её муж таким, каким был перед смертью.

Она коснулась Авдеевой щеки.

— Проша.

Авдей отшатнулся.

— Я не он, мать.

— Глаза его.

— Уберите дощечку! — приказал я.

Северин не опустил руку.

— Требование к Прохору Жиле признано на его старшем наследнике. Остаток — одиннадцать гривен.

— Восемь, — сказала Марфа.

Все повернулись к ней.

Она прижала кошель к груди.

— Он брал восемь.

— На дощечке одиннадцать делений, — сказал писец.

— Три — проценты за первый год. Мы потом платили канатами.

— Расписки есть?

— Проша говорил, что хозяин зачёл.

— Значит, нет.

Авдей шагнул к Северину. С чужим лицом его злость выглядела злостью покойного отца. Люди отступили. Двое стражников положили руки на рукояти.

Я встал между ними.

— Марфа, кому был должен Прохор?

— Старому Малюте. За пеньку и смолу.

— Малюта жив?

— Помер позапрошлой весной.

— Кто продал вам требование? — спросил я Северина.

— Его племянник.

— Он вёл дело?

— Он наследовал имущество.

— Книгу тоже?

Северин промолчал.

— Пока нет книги Малюты, вы доказали только одно: Прохор когда-то признал долг, а Авдей оказался наследником. Сумма не доказана.

— Дощечка показывает одиннадцать.

— Марфа говорит, что три деления — плата первого года, а часть вернули канатами. Вы купили спор и знали, что покупаете спор.

— Я купил признанное требование, — сказал Вежа.

Он подошёл так тихо, что я не заметил.

— За сколько? — спросил Авдей.

Вежа посмотрел на Марфу. Та крепче сжала кошель.

— Цена сделки между продавцом и покупателем.

— Мать, сколько?

— Авдей...

— Сколько ты получила за мои одиннадцать?

Марфа не ответила. Писец уже занёс передачу в книгу. Я

видел строку вверх ногами: четыре гривны и две резаны.

Авдей тоже увидел.

— Четыре.

— Нам крышу надо крыть, — сказала Марфа. — И Дарья беременна. Ты сам говорил, денег нет.

— Поэтому ты продала меня дешевле крыши?

— Я продала бумажку покойника!

— Лицо на мне.

Он сказал это тихо. Марфа наконец убрала руку от его щеки.

Вежа подал Авдею другой лист.

— Вам не придётся платить одиннадцать. Подпишите участие в мостовом управлении, возьмите шнур и продолжайте работать канатчиком. Третью спишу сегодня. Третью отработаете за два сезона. Остаток — после.

— А если не подпишу?

— Требование останется требованием.

— И вы будете держать отцово лицо на мне всякий раз, когда захотите?

— Закон не разрешает мучить наследника повторными предъявлениями без причины.

— Причину вы купили за четыре гривны.

Северин наконец опустил дощечку. Черты Прохора начали уходить. Авдей стоял неподвижно, пока не вернулось его собственное лицо.

Красный шнур он взял.

Не ради Вежи. Не потому, что поверил в единое управление. Он взял его, чтобы мать не потеряла крышу и чтобы дощечку не поднимали снова. Именно поэтому узел на его запястье выглядел крепче кандалов, хотя был завязан свободно.

После этого очередь двинулась быстрее.

Люди увидели, что наместник не отбирает серебро у продавцов и не уводит наследников сразу. Он давал выбор. Только каждый путь в этом выборе вёл к его столу: продай, подпиши, отработывай или жди предъявления.

Я начал спрашивать продавцов перед передачей:

— Сумма известна?

— Выплаты записаны?

— Старший наследник знает?

— Есть ли в договоре служба?

Северин терпел первые десять вопросов. На одиннадцатом велел страже отодвинуть меня от стола.

— Я стою на дороге к мосту, — сказал я.

— Вы мешаете добровольным сделкам.

— Я сообщаю, что лицо не доказывает сумму.

— Это ваше толкование.

— Это то, что произошло с дощечкой Вари.

— Один испорченный счёт не делает ложными остальные.

— Один исправный счёт не делает верными остальные.

Вежа поднял руку, и стража остановилась.

— Пусть спрашивает. Мне нечего скрывать.

Тогда я стал задавать вопрос ему.

— Сколько требований уже куплено?

— Семьдесят два.

— К скольким мостовым семьям?

— Тридцать одной.

— Сколько людей получили шнуры?

— Двадцать семь.

— Кто составил правила собрания?

— Писцы управы по просьбе семей.

— Каких семей?

— Тех, кто поставил знаки.

— До или после того, как вы стали их кредитором?

Вежа улыбнулся.

— Вы хотите изобразить помощь насилием.

— Я хочу записать порядок событий.

— Запишите: Радомир Вежа предложил мостовым семьям то, чего не смог предложить зритель, — деньги на ремонт, единый счёт и уменьшение долгов.

— За службу и голоса.

— За участие в собственном будущем.

— Под требованием покойника.

Он посмотрел мимо меня на мост. Рабочие тянули новую корзину к восточному быку. Канат шёл через руки Авдея Жилы. Красный шнур уже был спрятан под кожаной защитой запястья.

— Все наши права приходят от покойников, Глеб, — ска-

зал Вежа. — Князья наследуют печати. Вы наследовали ключи смотрителя и дом. Артели — тайны ремесла. Почему долг должен умирать, если имущество живёт?

— Долг может жить. Человек не обязан становиться покойником, который его сделал.

— Я этого и не требую.

— Вы показываете ему чужое лицо, пока он не подпишет вашу бумагу.

— Лицо показывает закон.

— Лицо показывает родство с признанием. Остальное добавляете вы.

Вежа перестал улыбаться.

— Через шесть дней семьи решат, кто добавляет лишнее: наместник, который платит, или смотритель, который закрывает мост и бережёт дом за счёт опоры.

Удар пришёлся точно. Люди слышали о медных полосах. Кто-то уже рассказал, что мой сухой двор нагружает первую опору. Я мог объяснить разницу между постоянной передачей силы и чудом с колоколом, но для человека с долгом и протекающей крышей разница была простой: у смотрителя есть защищённый дом, у него самого — красный шнур.

— Я открою записи моста перед собранием, — сказал я.

Рада резко повернулась ко мне.

Вежа прищурился.

— Все?

Я понял, что пообещал больше, чем собирался. В кни-

ге были пошлины, аварии, долги артелей, тайные расходы прежних зрителей и отдельные листы о чудесных опорах. Если открыть только удобное, Вежа назовёт это новой уловкой. Если открыть всё, семьи увидят, сколько раз зрители скрывали цену безопасности.

— Записи о требованиях и работах, которыми их оплачивали, — сказал я.

— Значит, не все.

— Для начала достаточно, чтобы ваши одиннадцать гривен перестали расти из восьми.

Он кивнул, словно принял ставку.

— Через шесть дней.

К вечеру торговый стол опустел. Железные сундуки увезли в восточную управу под охраной. На земле остались щепки, следы козел и один оброненный красный шнур. Федя поднял его и хотел бросить в печь, но я забрал.

Мы считали имена до темноты. Вежа купил восемьдесят девять требований к сорока семьям. Тридцать шесть наследников согласились на условия будущего управления. Среди них были оба старших мастера восточной артели, канатчик, трое лодочников, кузнец, державший скобы первой опоры, и человек, который звонил в мостовой колокол при тревоге.

— Если они проголосуют за Вежу, ты перестанешь быть зрителем? — спросил Федя.

— Собрание семей не назначает зрителя.

— Пока.

Рада разложила перед нами список.

— Не все требования относятся к мосту. Здесь долг за дом, за лечение, за свадебный обоз.

— В договоре они становятся долями участия, — сказал я.

— Бумага не превращает сапоги в камень опоры.

— Лицо превращает для тех, кто боится.

Варя вернулась с последним рейсом после заката. На её лодке приехали четверо людей с западного берега. Двое прятали лица под капюшонами, хотя дождя уже не было. Они не пошли к мосту, а остались у причала.

— Вежа выставил приказных на западной дороге, — сказала Варя. — Проверяют имена мостовых семей. Эти боятся предъявлений.

— Он не управляет западной дорогой.

— Стол стоял с восточной стороны. Приказные — с западной. Пока управы спорят, он везде понемногу.

Она увидела красный шнур у меня в руке.

— Подписал?

— Поднял с земли.

— На тебе всё равно не видно разницы.

Я рассказал ей об Авдее и Марфе. Варя выслушала, прислонившись к косяку. Когда я дошёл до собрания, она спросила:

— Семья Веретена получит голос?

— Если Вежа считает твой долг мостовым.

— Он считает мостовым всё, что идёт через мост.

— Ты не обязана идти.

— Опять решаешь, что мне легче потерять?

Я замолчал.

Варя взяла шнур, примерила к запястью и затянула. Красная нить лежала на коже как порез.

— Если знак нужен, чтобы войти, возьму у него такой же.

— Вместе с условиями.

— У меня уже есть его дощечка. Хуже не станет.

— Станет, если подпишешь службу.

— Тогда войду без знака. Или проведу собрание на лодке под окнами.

Рада усмехнулась.

— На лодке сорок семей не поместятся.

— Зато наместник поместится. Посадим посередине и пусть попробует сойти на оба берега сразу.

Она сняла шнур и положила на мостовую книгу.

Варя редко шутила, когда боялась. Я оставил шутку без ответа.

Ночью мы перенесли старые книги из нижнего шкафа на стол. Пыль лежала на корешках толще ногтя. Некоторые листы слиплись от прежних наводнений. На полях стояли знаки работ: камень, канат, уголь, воз, день на ледорезе. Имена умерших встречались чаще имён живых. Покойники действительно держали мост — не лицами, а тем, что когда-то таскали камень, вязали рамы, мерзли у опор и получали за

это долговые зарубки вместо серебра.

Вежа покупал не только право требовать деньги. Он покупал забытые толкования каждого знака.

Мы нашли запись о Прохоре Жиле на шестнадцатом году моего отца. Взял восемь гривен пенькой и смолой. Три гривны прибавлены за отсрочку. Дальше шли четыре знака канатной работы. Напротив двух отец поставил маленькие кресты, напротив двух — ничего.

— Сколько стоит знак? — спросила Рада.

— В том году день канатчика считали две резаны. Но знак может быть за день, неделю или готовый канат.

— Кто знает?

— Авдей мог слышать от отца. Старый кладовщик Малюты мог записать. Если жив.

— А если никто не знает?

— Тогда нельзя называть точную сумму.

Я написал напротив имени Авдея: «Восемь взято. Три прибавлено. Четыре работы отмечены, стоимость не установлена». Это было меньше, чем ему хотелось бы, и больше, чем признавал Вежа. Честная запись часто выглядела слабой рядом с уверенной ложью.

Под утро Федя нашёл в другой книге имя Миронова отца. Шесть отметок были не выплатами. Это были шесть недель, которые каменная артель отработала на восстановлении его дома после пожара. Долг возник не у отца Мирона перед артелью, а у семьи перед шестью работниками по очереди. Чет-

верым уже заплатили зерном. Двое умерли. Требование, которое Мирон продал как единое на двенадцать гривен, могло принадлежать разным людям и стоять не больше трёх.

— Он получил восемь, — сказал Федя.

— Значит, Вежа заплатил лишнее.

— Зачем?

Рада ответила раньше меня:

— Потому что покупал не долг.

За окном посерело. По мосту шли первые рабочие. У многих под рукавами виднелись красные нитки.

Я открыл новую тетрадь и на первой странице написал три строки.

Лицо подтверждает связь с признанным требованием.

Лицо не подтверждает нынешнюю сумму.

Продажа требования не создаёт права управлять мостом.

Ниже начал список из восьмидесяти девяти дощечек.

Через шесть дней Вежа собирался привести к мосту людей, чьи долги он облегчил одной рукой и удерживал другой. У меня не было серебра, чтобы перебить его цену. Были только разрозненные книги, люди с ненадёжной памятью и право требовать, чтобы каждый знак означал именно то, чем был.

На рассвете колокольщик пришёл за ключом от башни. На его запястье краснел шнур Вежи.

Я отдал ключ.

Пока он звонил по моему приказу. Но уже голосовал за

того, кто хотел решать, когда должен звучать колокол и чьим годом памяти оплачивать его удар.

Глава 6. Год под колоколом

Колокол зазвонил не по моему приказу.

Первый удар застал меня над списком дощечек. Чернила ещё блестели напротив имени Авдея Жилы, когда стекло в окне дрогнуло и по столу прошла мелкая рябь. Второй удар был короче. Третий оборвался так, будто колокольник отпустил верёвку и схватился за неё снова.

Тревогу на мосту били иначе: три ровных удара, пауза, ещё три. При пожаре чистили без счёта. Этот звон был старым зовом опоры — протяжным, с низким гулом, от которого медные полосы под домом отвечали слабой дрожью.

Я опрокинул скамью, выбегая.

На дворе Варя привязывала к поясу рукавицы. Рада уже спускалась с крыльца, на ходу затягивая волосы кожаным шнурком.

— Ты велел? — крикнула она.

— Нет.

Мы бежали к восточной арке. Утренний туман лежал низко, скрывал воду и нижние ряды кладки. Над белой пустотой торчали головы людей. Рабочие оставили корзины, сбились у парапета и смотрели на малую арку. На башне раскачивался колокол. Верёвку держал колокольник Лука Костыль, тот самый, у которого под рукавом вчера краснел шнур Вежи.

Возле спуска к опоре стоял Северин Край. Рядом с ним

— восточный мастер Добромysl и двое людей наместника. На камнях была разложена медная цепь, один конец которой уходил в паз между плитами.

— Отойди от верёвки! — приказал я.

Лука разжал пальцы. Колокол качнулся в последний раз и затих не сразу. Гул катился под аркой, бился о воду и возвращался снизу. Я чувствовал его зубами.

— Кто замкнул опору?

Добромysl поднялся навстречу. Ему было за шестьдесят, он клал восточный бык ещё при моём отце и привык говорить со мной как с мальчишкой, которого однажды поймал на лесах без страховки.

— Малую связку проверили, — сказал он. — Не первую. До большой силы не доводили.

— Кто разрешил?

— Я отвечаю за восточную кладку.

— За кладку. Не за чужую память.

Северин шагнул между нами, но Рада уже прошла к пазу и присела над цепью.

— Печать свежая, — сказала она. — Глина ещё мокрая. Сколько держали?

— Полсчёта, — ответил Добромysl.

— Сколько это?

— Пока тень маятника не дошла от первой черты до второй.

— У вас не было маятника.

Он показал на башню. Там из окна свисал тонкий отвес. Я не видел его, когда прибежал, потому что смотрел на колокол.

— Кто принёс цепь? — спросил я.

Добромысл молчал.

Северин ответил за него:

— Управление наместника предоставило материал для проверки. Вчера вы сами говорили, что безопасность нельзя откладывать.

— Я говорил о раме и замерах.

— Рама просела на палец.

Я посмотрел на Раду.

— На половину пальца, — сказала она. — Под собственной тяжестью и после ночного дождя. Это было ожидаемо. Я поставила метку.

Добромысл махнул рукой в сторону арки.

— Западная мерщица ждёт, пока камень сам решит за нас. Я проверил, может ли малая опора принять вес. Приняла.

Туман под мостом на миг разошёлся. Между плитами светилась тонкая медная полоса. Обычно старая цепь была тёмной, зеленоватой от сырости. Сейчас по ней бежал янтарный огонь, слабый, как свет под дверью. Значит, чудо уже совершилось. Пусть малая связка, пусть полсчёта — камень получил то, чего обычным трудом получить не мог.

Год памяти уже был взят.

— Где люди? — спросил я.

— Какие люди? — Северин говорил ровно, но не смотрел мне в глаза.

— Все, кто слышал колокол.

На мосту в этот час находились две артели, возчики у закрытого тяжёлого хода, торговли у восточного въезда и лодчики на воде. Звон уходил по реке дальше, чем голос. Его могли слышать в домах обоих берегов.

— Нельзя узнать, с кого взято, — сказал Добромысл. — Никогда не узнавали.

— Поэтому вы решили, что и искать не надо?

— Что изменится? Опора держит. Один человек забудет один год. Может, младенческий. Может, год хвори. На двух берегах тысячи людей.

Я подошёл вплотную.

— А может, год, в котором он вырастил сына.

Добромысл отвёл взгляд первым.

Варя стояла у парапета и смотрела вниз.

— Лодка поперёк течения, — сказала она.

Под малой аркой из тумана показалась корма. Лодку разворачивало боком, весло волочилось в воде. На носу сидел человек и обеими руками держался за уключину, будто не знал, что с ней делать. Второй, помоложе, тянулся к рулевому веслу, но течение не давало встать.

— Это Сава и Тихон, — сказала Варя и побежала к причалу.

Я успел схватить сброшенный ею конец каната. Рада под-

хватила бухту. Мы втроём столкнули запасную лодку, прыгнули в неё, пока дно ещё скребло по гальке. Варя села на вёсла. Я правил, Рада выбирала воду ковшом: дождь набрал её за ночь на два пальца.

Рубежница несла нас быстро. Под мостом гул колокола жил дольше, чем наверху. Каждый камень будто отдавал его заново. Сава поднял голову на звук нашей лодки. Я знал его лет пятнадцать. Круглое лицо, седина в чёрной бороде, сломанный когда-то нос. Сейчас он смотрел на нас спокойно и испуганно, как человек, проснувшийся не в своей постели.

— Держи правое весло! — крикнула Варя Тихону. — Не тяни, только выровняй!

Парень сделал наоборот. Лодка сильнее пошла боком.

— Я сказал ему, — растерянно произнёс Сава. — Я ведь сказал, как надо. Или не говорил?

Варя подвела нас с верхней стороны. Я бросил Тихону конец. Он промахнулся, потом поймал петлю локтем.

— Закрепи за носовую скобу.

— Тут две!

— За ту, что ближе к тебе. Да не вокруг руки!

Сава смотрел, как сын возится с канатом, и не помогал. Для него это было невозможнее самой чудесной опоры. Сава учил лодочников с тех пор, как я стал зрителем. Он мог по звуку воды определить, где подмыло сваю, мог завязать спасательную петлю одной рукой, стоя по пояс в ледяной воде. Теперь пальцы у него лежали на уключине правильно, но

он будто не понимал, почему сын делает неправильно.

Мы вытянули их из-под арки и дали течению снести обе лодки к островной косе. Там Варя первой выпрыгнула на мелководе. Тихон кинулся к отцу.

— Ты чего сел? Я же один не умею!

— Умеешь, — сказал Сава. — Мы с тобой ходили к Вороньему перекату.

— Не ходили.

— Как не ходили? Я показывал тебе обход у чёрного камня.

— Ты обещал весной.

Сава нахмурился. Потом посмотрел на лодку. На правом борту была свежая заплата — светлая доска среди потемневших. Он провёл по ней ладонью.

— Когда пробили?

Тихон перестал дышать.

— Пап.

— Я спрашиваю, когда.

— На ледоходе. В прошлом году. Ты тогда три ночи меня учил ставить заплату без сухого дока.

— Тебя?

Тихону было девятнадцать. Он был выше отца, но сейчас втянул голову в плечи, как мальчик.

— Меня. Мы вместе доску парили. Ты обжёг руку.

Он схватил Савину левую кисть и показал белый рубец у большого пальца.

Сава долго рассматривал рубец.

— Обжёг, — согласился он. — Только не помню где.

Рада села на перевёрнутую корзину, достала из сумки уголь и обрывок мерного листа.

— Сава, назови сегодняшний день.

Он назвал правильно.

— Кто князь на западном берегу?

Ответил.

— Где твой дом?

Показал вверх по реке.

— Сколько лет Тихону?

— Семнадцать.

— Девятнадцать, — сказал парень.

Сава вздрогнул.

— Нет. Прошлой осенью семнадцать исполнилось. Мы ещё...

Он замолчал.

— Что вы? — мягко спросила Рада.

— Не знаю.

Тихон сел прямо на мокрую гальку.

Я знал, что сделала опора, но всё равно искал другое объяснение. Удар головой, речная вода, испуг. На виске у Савы не было ссадины. Одежда сухая выше сапог. Зрачки одинаковые, речь ясная. Он помнил старые переправы, нынешний день и людей вокруг. Между ними зиял ровный провал.

— С какого времени у тебя последний ясный день? —

спросил я.

Сава прикрыл глаза.

— Первый снег. Тихон просил взять его на зимнюю воду. Я отказал. Сказал, пусть ещё год на тихой протоке походит.

Тихон поднял голову.

— Это было два года назад.

— Не выдумывай.

— Потом ты согласился. Всю зиму мы ходили. Весной чинили борт. Летом ты пустил меня одного до западной пристани. Осенью сказал, что я готов на большую воду.

Сава смотрел на сына и видел перед собой человека, который требовал признать прожитую вместе жизнь без единого доказательства, кроме рубца, заплаты и собственных слов.

— Я бы не пустил тебя одного, — сказал он.

— Пустил.

— Значит, был пьян.

Тихон вскочил.

— Ты не пьёшь!

— Вот и говорю: не пустил бы.

Он защищался не от сына. Он защищал целостность собственной жизни. Если согласиться с Тихоном, придётся признать, что целый год произошёл без него и всё же оставил следы на его теле, лодке и взрослом лице мальчика.

Варя присела рядом с Тихоном.

— Покажи отцу узел, которому он тебя учил.

— Зачем?

— Покажи.

Она подала ему свободный конец. Тихон сделал петлю, обнёс канат вокруг скобы, дважды пропустил под коренной частью и затянул. Не самый быстрый узел, зато под нагрузкой не полз.

Сава машинально потянул за конец, проверяя.

— Нижний виток слабый.

— Ты всегда так говоришь.

Тихон переделал. Сава снова проверил и кивнул. Его рука знала, чему он учил. Голова не знала, что учил именно сына.

— Я умею? — спросил Тихон.

— Узел умеешь.

— А лодку вести?

Сава посмотрел на воду.

— Не видел.

Парень отвернулся. Варя положила ладонь ему на плечо, но он сбросил её.

На мосту собрались люди. Они стояли вдоль парапета, маленькие сверху, и молчали. Добромысл тоже смотрел вниз. Северина рядом не было.

— Поднимайтесь, — сказал я. — Будем записывать.

Сава усмехнулся без веселья.

— Что записывать? Что я сына забыл?

— Всё, что осталось по краям года. Потом найдём тех, кто был с вами. Составим дни, работы, рейсы.

— От этого вспомню?

— Нет.

Я не стал говорить «может быть». Чудесная опора не прятала память. Она ею платила. Утраченное не лежало где-то под камнем и не ждало правильного ключа.

— Тогда зачем?

Тихон ответил:

— Чтобы ты мне верил.

Мы вывели лодки к причалу. Сава сам правил своей. Навык остался без изъяна. Он лёгким движением отвёл корму от камня, поймал обратную струю и вошёл в тихую воду так чисто, что Варя одобрительно цокнула языком. Тихон сидел на носу, будто пассажир.

У караулки я велел Феде закрыть проход и собрать имена всех, кто слышал звон. Не потому, что среди них мог быть второй платательщик: опора брала ровно один год у одного человека. Мне нужно было знать, сколько людей поставили под удар, чтобы получить светлую полосу меди под аркой.

— Записывать тех, кто на мосту? — спросил Федя.

— Всех в пределах звука. Начни с артели и въездов. Потом лодки, дома на косе, западная пристань.

— Их сотни.

— Поэтому начни сейчас.

Я вошёл в башню. Отвес ещё качался. На полу лежали деревянный маятник с двумя зарубками, чашка с глиной, печать наместника и обрывок красного шнура. Медная цепь была протянута через бойницу к пазу малой опоры. Чтобы

запустить связку, требовалось замкнуть цепь печатью и ударить в колокол. Добромысл мог знать порядок от старых мастеров. Но печать принесли люди Вежи, а колокольщик отдал ключ только мне и всё же впустил их.

Лука Костыль сидел на ступени, закрыв лицо руками.

— Кто приказал? — спросил я.

— Мастер.

— Какой?

— Добромысл сказал, рама садится. Северин сказал, наместник берёт ответственность.

— А ключ был у тебя.

Он опустил руки.

— Ты сам его утром дал.

— Для обычного звона.

— Колокол один.

— Приказ разный.

— Я думал, проверка. Малую связку и раньше пробовали.

— Когда?

— При твоём отце.

— Кто заплатил?

Лука пожал плечами.

— Не знали. Может, никто не заметил.

— Потерю не заметили или человека не искали?

Он посмотрел на обрывок шнура.

— У меня дочери на выданье. Долг за дом семь гривен. Вежа обещал списать две, если управление начнёт работать

до паводка.

— Поэтому ты ударил?

— Поэтому я поверил мастеру. Если арка упадёт, твоей книгой людей не вытащишь.

В его словах была та часть правды, которой Вежа умел оборачивать ложь. Арка действительно могла упасть. Моя разгрузочная рама действительно просела. В мостовой книге действительно было больше пробелов, чем ответов. Лука не хотел украсть год у Савы. Он хотел, чтобы мост стоял и долг стал меньше. Но чудо не спрашивало, чего он хотел.

— Отдай ключ, — сказал я.

Он снял его с пояса.

— Я больше не колокольщик?

— Пока не решим, как звонить, чтобы к верёвке не прилагалась печать наместника.

— А при пожаре?

Я взял ключ и понял, что простого ответа нет. Если запереть башню, тревога опоздает. Если оставить открытой, следующий человек с цепью снова получит доступ к памяти всех, кто слышит.

— При пожаре бей в подвесную доску у караулки. Колокол — только при мне или Феде.

— Звон разный, — повторил Лука.

— А цена одна.

Внизу Добромысл спорил с Радой. Мастер тыкал пальцем в измерительную рейку.

— Половина пальца сегодня, палец завтра, ладонь к паводку! Ты хочешь подписать бумагу и уехать на запад, а мы здесь останемся.

— Поэтому вы заставили камень держать без расчёта?

— Мы доказали, что связка жива.

— Вы изменили её состояние. Теперь мои вчерашние замеры нельзя сравнить с сегодняшними.

— Зато мост крепче.

— Какая прибавка?

Добромысл замолчал.

— На сколько пудов вырос допустимый вес? — спросила Рада. — На сколько дней этого хватит? Какая часть нагрузки ушла в соседний бык? Что случилось с трещиной под медной полосой?

— Опора приняла силу.

— Сколько?

— Достаточно.

— Тогда положите число рядом с именем Савы.

Мастер побледнел.

До этого он мог считать плату рассеянной по берегам: где-то кто-то лишился невидимого года, а мост получил видимую прочность. Теперь плата сидела у караулки и заново училась узнавать взрослого сына.

Северин вернулся с шестью стражниками. За ним шёл сам Вежа, без плаща, в простой серой куртке, будто прибежал спасать мост вместе со всеми.

— Я узнал о несогласованной проверке, — сказал он.

— От человека, который принёс вашу печать? — спросил я.

Он взглянул на башню.

— Печать принадлежит управе. Её используют для многих работ.

— На цепи чудесной опоры?

— Если Северин превысил полномочия, я разберусь.

Северин стоял на полшага сзади и смотрел перед собой. Хороший приказный умеет выглядеть виноватым ровно настолько, чтобы хозяин оставался невиновным.

— Разберётесь после собрания? — спросил я. — Когда колокольщик, мастер и остальные ваши должники проголосуют за управление?

— Сейчас важнее пострадавший.

— Его зовут Сава Рыбень.

Вежа выдержал паузу.

— Сава Рыбень получит возмещение.

Сава услышал. Он вышел из караулки, держа лист, на котором Тихон начал перечислять рейсы утраченного года.

— Сколько стоит год? — спросил лодочник.

— Мы определим справедливую сумму.

— За лодку я беру по две резаны с человека. За груз больше. За год сколько?

— Сначала нужно установить последствия.

— Я сына не помню.

— Вы помните сына.

— Помню мальчишку семнадцати лет. Этого, — Сава указал на Тихона, — знаю по имени и лицу. Не знаю, как он научился водить. Не помню, о чём мы ругались. Не знаю, почему у него шрам на подбородке. Он говорит, я сам зашивал. Сколько это стоит?

Вежа не ответил сразу. Люди ждали. Наместник мог оценить долг, дом, день каменщика, голос семьи. Год между отцом и сыном не помещался в его счёт.

— Серебро не вернёт память, — сказал он наконец. — Но поможет семье пережить ущерб.

— Тогда отдайте сына того, кто ударил в колокол, — произнёс Сава. — На год. Я научу его лодку водить и потом забуду, что научил.

Лука застонал на ступенях башни.

Сава повернулся к нему. У колокольщика были две дочери, сын умер младенцем. Лодочник этого не знал или забыл, что знал. Его жестокость длилась одно дыхание. Потом он опустил лист.

— Нет, — сказал он. — Чужим не надо платить. Уже заплатили.

Это прозвучало тише колокола, но люди слышали.

Я вынес мостовую книгу на улицу. Поставил на бочку, открыл страницу сегодняшнего дня и написал время первого удара. Потом место: малая восточная арка. Исполнители: мастер Добромysel, колокольщик Лука Костыль, приказный

Северин Край; медная цепь и печать восточной управы. Продолжительность: от первой до второй черты маятника, точное число мгновений не измерено. Изменение опоры: неизвестно до повторного замера.

Ниже написал: «Плательщик — Сава Рыбень, лодочник западной пристани».

Добромысл подошёл ближе.

— В книге всегда писали «убыль года».

— Теперь будет имя.

— Может, не он. Может, с кем-то ещё случилось.

— Год один. Утрата Савы совпала со звоном и имеет ровные границы.

— Совпадение не доказательство.

— Тогда зачем вы вообще верите, что опора взяла плату?

Он открыл рот и закрыл.

Я продолжил запись. Сава помнит первый снег два года назад и события нынешнего утра. Не помнит обучение Тихона на зимней воде, пробоину на ледоходе, ремонт борта, первый самостоятельный рейс сына и лето между ними. Навыки Савы сохранены. Навыки Тихона, полученные в этот год, сохранены. Отношение отца к умению сына вернулось к началу утраченного времени.

— Не пиши последнее, — сказал Тихон.

Я поднял голову.

— Почему?

— Звучит, будто он виноват, что мне не верит.

Сава посмотрел на сына.

— А я не верю.

— Я знаю.

— Покажешь на воде.

Тихон стиснул челюсть.

— Уже показывал год.

— Покажешь ещё.

— А если снова забудешь?

Сава не нашёл ответа.

Я зачеркнул фразу и написал иначе: «Сава утратил память о том, как убедился в умении сына, поэтому требует повторить обучение; Тихон считает это отнятым у него годом труда».

— Так честнее? — спросил я.

Тихон прочёл и кивнул.

Вежа наблюдал через плечо.

— Вы превращаете рабочую книгу в плачевную, — сказал он.

— Превращаю цену в счёт.

— Счёт должен быть числом.

— Ваши дощечки тоже когда-то были человеческими днями. Потом кто-то забыл, что означают зарубки, и получил право назвать любое число.

Я обмакнул перо снова.

— Какую прибавку дала опора?

— Это установят мастера.

— До установления малая арка закрыта. Тяжёлый ход остаётся закрыт. Цепь снимаем.

Добромысл шагнул к ней.

— Разомкнёшь сейчас — посадишь кладку.

Рада покачала головой.

— Чудо уже отдано камню. Цепь только позволяет запустить снова. Снять её безопасно.

— Западная мерщица решает?

— Решают замеры. Сделаем вместе.

Я назначил четыре пары: по мастеру с каждого берега у трещины, у разгрузочной рамы, под соседним сводом и на береговом репере. Ни один человек не должен был записывать меру в одиночку. Федя раздал восковые дощечки. Варя села у книги и стала принимать имена тех, кто слышал звон.

Список рос. Каменщики. Возчики. Три торговки. Девочка, несшая молоко на восточный берег. Старик с пасекой на косе. Двадцать семь жителей западной пристани. Две лодки ниже моста и четыре выше. Дом Глеба Перевоза — трое. Караулка — двое. Люди называли себя неловко, не понимая, зачем записывать тех, кто ничего не потерял.

— Чтобы в следующий раз никто не сказал «тысячи» и не забыл, что тысяча состоит из имён, — объяснила Варя.

К полудню нашли сто восемьдесят четыре свидетеля звона. Это были только те, до кого мы дошли. Каждый мог стать Савой. Ни один не соглашался заранее.

Замеры дали ответ хуже, чем я надеялся, и лучше, чем бо-

ялся. Малая связка стянула верхние плиты на толщину ногтя, но нагрузка ушла в основание восточного быка. Промойна стала глубже на ладонь. Чудо укрепило то, что было видно с дороги, и ослабило то, что скрывала вода.

Рада положила две рейки рядом на парапете.

— Если бы дождались утреннего спуска, увидели бы промойну. Поставили бы ещё одну корзину ниже по течению. Теперь понадобится три.

Добромысл провёл рукой по лицу.

— Но верх не разойдётся.

— Сегодня — нет.

— Значит, год не впустую.

Сава стоял неподалёку. Мастер увидел его и добавил тише:

— Я не так хотел сказать.

— А как? — спросил лодочник.

Добромысл снял шапку.

— Я думал, если взять малую силу, потеря будет малая.

— Год короче станет?

— Нет.

— Тогда зачем называли опору малой?

На это у нас тоже не было ответа. Малая арка, малая связка, пробное укрепление — слова уменьшали поступок, не цену. Колокол не различал пробу и спасение. Он забирал год полностью.

К вечеру мы сняли цепь и заперли её в сундук под двумя

замками. Один ключ оставил у себя, второй отдал Раде. Она хотела возразить, но я сказал:

— Ты представляешь западную меру. Я — мост. Чтобы открыть, придётся согласиться двоим.

— А если меня отзовут?

— Передашь ключ при свидетелях другому мерщику.

— Вежа скажет, что ты отдал половину власти западному берегу.

— Пусть. Хуже, если целый колокол открывается одним долгом колокольщика.

Варя принесла ужин Саве и Тихону. Они сидели на разных концах причала. Между ними лежал канат. Отец показывал сыну, как выбирать слабину против течения. Тихон повторял молча. Иногда Сава поправлял его руку. Иногда парень резко говорил, что уже знает. Они начинали не сначала: умение было при них. Но доверие пришлось строить заново поверх обиды, которой до утра не существовало.

— Он вспомнит хоть что-нибудь? — спросила Варя.

— Нет.

— Ты уверен?

— Отец видел такие потери. Записывал, что не возвращались.

— В закрытых листах?

— Да.

Она посмотрела на меня.

— Там есть имена?

Я вспомнил старые строки: «убыль года обнаружена на западном торгу»; «плательщик не установлен»; «жалоба женщины с верхней улицы оставлена без меры». Смотрители берегли мост от ненависти людей и себя от точного знания. Если цена безымянна, её легче признать необходимой.

— Почти нет.

— Значит, Сава первый?

— Первый, кого мы записали как человека, а не случай.

Варя провела пальцем по красному шнуру, всё ещё лежавшему между страниц книги.

— Вежа покупает покойников, потому что их можно заставить говорить что угодно. Вы прятали плательщиков, потому что без имён они тоже не спорят.

Я хотел сказать, что это делал не я. Листы закрывал отец, его отец и смотрители до них. Но сегодня утром ключ от колокола отдал я. Раму поставил я. Решение не применять чудо не записал как запрет, понятный каждому мастеру. Оставил между «не надо» и «нельзя» место, куда вошли Северин с печатью и Добромысл со страхом.

— Теперь будут спорить, — сказал я.

Мы внесли запись о Саве в основную книгу, а не на отдельный лист. Под ней я добавил новое правило: до любого чудесного укрепления надо вслух назвать предполагаемую работу, измеримую пользу, обычный способ и причину отказа от него. Потом перечислить всех людей в пределах колокольного звука невозможно, но надо объявить, что один из

них потеряет год и выбрать его нельзя. Без двух хранителей ключей цепь не замыкать.

Рада прочла.

— Всё равно оставляешь возможность.

— Мост может начать падать под людьми.

— Тогда решение придётся принять быстро.

— Быстро — не значит без имени.

Она поставила рядом свой знак свидетеля.

Добромысл долго стоял у стола. Потом тоже поставил знак. Красный шнур он не снял.

Вежа отказался подписывать. Северин исчез до окончания замеров. Лука Костыль принёс ключ от башни и положил рядом с записью, хотя я уже забрал его раньше: это оказался второй, тайно сделанный ключ. Он не объяснил, для кого. Я добавил его к цепи в сундук.

Перед закатом Сава вывел лодку на тихую протоку. Тихон сел за рулевое весло. Отец давал команды, сын исполнял их с яростью человека, которого заставили доказывать собственную жизнь. На третьем развороте Сава перестал подсказывать. На пятом позволил выйти к быстрой воде. Когда лодка вернулась, он сказал:

— Водить умеешь.

Тихон не улыбнулся.

— Я знаю.

— Теперь и я знаю.

— До следующего колокола?

Сава посмотрел на башню.

Я тоже посмотрел. Верёвку мы сняли и отнесли в караулку. Язык колокола был закреплён двумя скобами. Но тишина больше не казалась безопасной. В медных полосах под мостом оставалась сила, а у людей — страх перед трещиной. Вежа мог купить новый ключ, нового мастера, новый довод.

Я закрыл мостовую книгу только после того, как чернила высохли. На корешке было вытиснено имя моего отца. Внутри впервые стояло имя человека, которым мост заплатил за чудо.

Сава Рыбень.

Не убыль. Не случай. Не один год из тысяч.

Человек, который утром знал, как научил сына, а к полудню должен был поверить чужим словам, что прожил с ним целый год.

Глава 7. Книга смотрителя

Наутро имя Савы Рыбеня исчезло из книги.

Страница была на месте. Запись о времени звона, малой арке, печати управы и промоине читалась ясно. Под ней стояли знаки Рады и Добромысла. Но строку «Плательщик — Сава Рыбень» кто-то выскоблил до тонкой белой впадины. Вместе с именем сняли ещё четыре строки о Тихоне, зимней воде и забытом ремонте лодки.

Я заметил это не сразу. Снаружи рабочие разгружали каменные корзины, Федя считал возы, Варя спорила с торговцем, загоротившим спуск. Книга лежала раскрытой на вчерашнем месте. Я провёл пальцем по странице и почувствовал древесную пыль.

— Никому не выходить, — сказал я.

В караулке находились Рада, Федя и писец западной артели. Все трое посмотрели на дверь.

— Ты о нас? — спросил Федя.

— Обо всех.

Я запер дверь изнутри и поднял книгу к окну. Соскоб был свежим. Волокна ещё топорщились, а в нижнем краю борозды застряла крошка засохших чернил.

— Вчера вечером запись была цела, — сказала Рада.

— Когда уходила?

— После тебя. Я проверяла замеры.

— Книга оставалась здесь?

— На столе. Федя складывал дощечки.

Федя покраснел.

— Потом я отнёс её в шкаф. При тебе, Рада.

— Видела.

— Кто открывал утром?

— Я, — сказал он. — Ключ был у меня на шее. Вот.

Он вытащил кожаный шнур. Ключ висел рядом с медным свистком. Замок шкафа был простым, его можно открыть проволокой. Но дело было не в замке. К основной книге имели доступ все смотрители и помощники до нас. Любой старый ключ мог подойти. Вчера на башне уже нашёлся второй ключ, о котором я не знал.

Рада наклонилась над страницей.

— Соскоб сделан кривым лезвием. Не писцовым ножом.

— Откуда знаешь?

— Писцовый снимает тонкую стружку от себя. Здесь царапали к себе, короткими движениями. Так чистят рыбу или кору.

Федя выложил на стол нож. Лезвие у него было прямое. Я положил свой рядом. Тоже не подходил.

— Северин, — сказал западный писец.

— Если бы Северин вошёл ночью, он унёс бы книгу, — ответил я. — Или выскоблил печать управы вместе с именем.

— Значит, свой.

Я посмотрел на шкаф. Верхняя дверца была закрыта,

нижняя приоткрыта. Там стояли книги последних двадцати лет — мои и отцовские. Старые тома мы вчера перенесли на стол для сверки долгов, потом убрали обратно. За ними темнела задняя стенка.

Рада вынула крайний том.

— Пыль нарушена.

На нижней полке оставались три светлые полосы. Одну занял том, который она держала. Две другие были пусты.

— Здесь что-то стояло? — спросила она.

Я вспомнил связки, которые мы перебирали ночью перед торгом Вежи. Книги пошлин, книга работ, книга происшествий. На нижней полке должны были быть ещё две узкие тетради в кожаных обложках.

— Отдельные листы опор.

— Те, о которых ты говорил в доме?

— Да.

— Почему они отдельные?

Я не ответил.

Она поставила том на стол.

— Глеб, почему записи о чудесах не в общей книге?

— Так вели до меня.

— Ты продолжил?

— Да.

— Почему?

За дверью кто-то дёрнул ручку. Варя крикнула, что к мосту пришёл воз с известью. Я попросил её задержать всех

снаружи и никого не впускать.

— Потому что после каждого чуда люди искали виноватого, — сказал я. — Смотритель записывал работу, а потерю — отдельно. Чтобы семья плательщика не разбила опору и чтобы мастера не отказались спасти мост в следующий раз.

— И чтобы никто не увидел, сколько раз вы применяли чудо.

— Тоже.

Рада говорила без злости, от этого было хуже.

— Где тетради?

— Не знаю.

Мы обыскали шкаф, сундук с пошлинами, ящик под столом и нишу, где хранили запасные печати. Тетрадей не было. Окно ночью оставалось закрытым изнутри. Задняя дверь вела к лестнице под мост и запиралась на засов. Засов утром стоял на месте, но нижний штырь можно было поднять тонким крючком через щель.

На каменном полу у двери Рада нашла две чёрные чешуйки. Не грязь и не уголь. Обгорелая кожа от переплёта.

— Их сожгли? — спросил Федя.

Я растёр чешуйку между пальцами. Запах был слабый, смоляной.

— Или обожгли край, чтобы вытащить нитку.

— Зачем?

— Отдельные листы прошивали кожей и запечатывали воском. Не разорвёшь, не оставив следа.

Рада открыла отцовскую книгу работ. Полистала быстро, потом вернулась к записи пятнадцатилетней давности.

— Здесь ссылка: «Смотри лист опоры, третья вода». Самого листа нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.